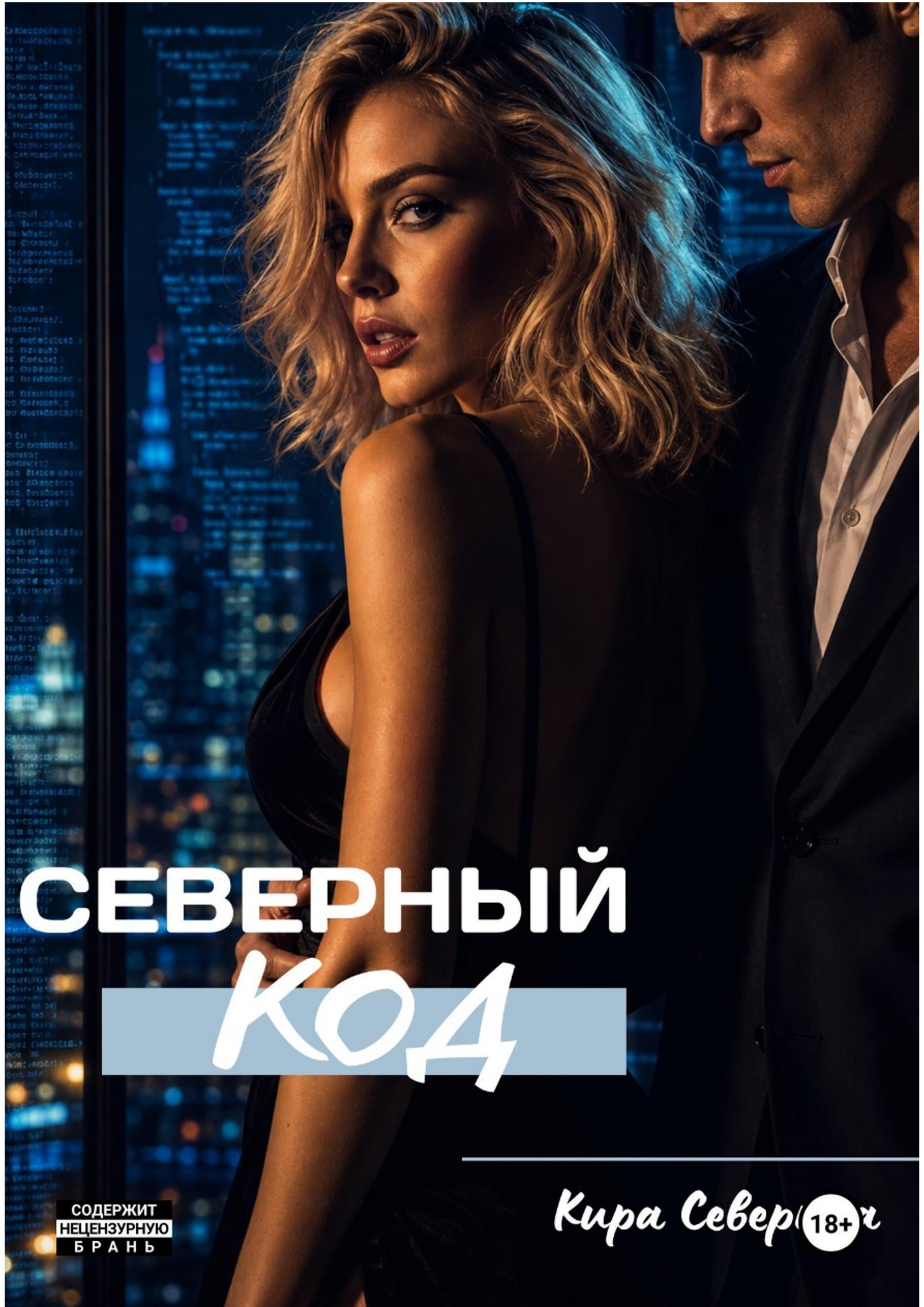

СЕВЕРНЫЙ КОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кира Север **18+**

Кира Северина

Северный код

«Автор»

2026

Северина К.

Северный код / К. Северина — «Автор», 2026

Знаете, как это бывает? Возвращаешься в Москву после двух лет европейских кофеен и круассанов «на бегу» — и думаешь, что ты теперь такая вся утончённая, многослойная, как луковица. А потом первый же бариста с Цветного бульвара говорит: «Девушка, отойдите, я не вижу следующего», — и вся твоя утончённость осыпается, как сахарная пудра с того же круассана. Здравствуй, Москва. Я скучала. Кажется. В офис я приехала за двадцать минут до встречи, потому что я приличная девочка с золотой медалью и красным дипломом. На каблуках. С кофе в одной руке и ноутбуком в другой. С отрепетированной перед зеркалом улыбкой «я-собранная-уверенная-сеньорка». Эта улыбка прожила ровно до момента, пока я не запнулась о ножку стула в ресепшене и не выплеснула половину латте на самый дорогой костюм, который я когда-либо видела вблизи. — Простите, ради бога, яЯ подняла глаза. Зря. Четыре книги, четыре мужчины. Будет горячо. P.S. За страстью и дерзостью — в следующую книгу цикла, «Северная игра».

© Северина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Северный код

Глава 1

«Зря»

Знаете, как это бывает? Возвращаешься в Москву после двух лет европейских кофеен и круассанов «на бегу» — и думаешь, что ты теперь такая вся утончённая, многослойная, как луковица или, на худой конец, как капустный пирог. А потом первый же бариста с Цветного бульвара говорит «девушка, отойдите, я не вижу следующего», и вся твоя европейская утончённость осыпается, как сахарная пудра с того же круассана. Здравствуй, Москва. Я скучала. Кажется.

Слово «кажется» я добавила потому, что после двух лет в Берлине нормальная человеческая русская плотность контакта меня немного пугает. В Берлине ты можешь жить полгода в доме и не знать имя соседа по площадке — это считается приличным. В Москве ты выходишь из подъезда, и пенсионерка с третьего этажа уже знает, в чём ты вчера приехала, во сколько, и с кем. И это даже не сплетни. Это просто база данных, бесплатно прилегающая к жилплощади.

Но я отвлеклась.

В то утро — в первое утро моей новой жизни в моей старой Москве — я была собрана, как чемодан перед перелётом. Накрашена, выглажена, выбрита там, где надо, надушена так, чтобы лифт после меня хотел только в спа. Голова — почти не болит. Совесть — чиста (я почти не выпила вчера с Евкой, и это, поверьте, маленькая победа). Мотивация — на уровне олимпийской чемпионки перед финалом.

Я была готова к новой работе.

К моим новым боссам — нет.

Но об этом, как водится, мне никто не сказал.

* * *

Машину я люблю.

Я понимаю, что это, наверное, звучит как пошлость в духе «женщина и её автомобиль», но мне всё равно. Audi S5 Sportback, матовый тёмно-синий, чуть пыльный от московских дорог, которые я не успела ему простить — это не просто машина. Это памятник трём годам моей жизни, проведённым в позе «ноутбук на коленях, спина колесом, кофе на третьем литре за день». Это сертификат, что я могу.

Я. Сама. Могу.

Поэтому, когда я выезжаю утром, я громкая. Я не извиняюсь за это. Если соседи хотели тихих утренних соседей — пускай поселили бы у себя монастырский орден. А я включаю репчик на громкости «восемь из десяти», басами в район диафрагмы, опускаю стёкла на два пальца, чтобы слышать, как Москва нервничает, и ехать сквозь это нервничество со скоростью «я бы добавила, но штрафовать жалко».

В то утро репчик был хороший. Жёсткий, ровный, без соплей. Я вырулила на трассу, повертела пальцами на руле, как пианистка перед «Лунной», и нажала.

Москва решила со мной не спорить.

К офису я подъехала на двадцать минут раньше, что было моей маленькой ошибкой, потому что это дало мне время задуматься. А задумываться — это, как говорил мой бывший шеф в Берлине, «верный способ всё испортить». Бывший шеф был немец, ему было пятьдесят шесть, и единственное, что он знал по-русски, это «пожалуйста, без танцев». Этой фразе его научила я. На корпоративе. Он использует её до сих пор. На совещаниях. По любому поводу. Я этим горжусь.

Так вот, к офису.

Бизнес-центр был стеклянный, дорогой, надменный. С тем особым выражением фасада, которое говорит «если ты сюда зашёл случайно — выйди тоже случайно». Парковка перед входом была вылизана. Места размечены. Никаких хамов на разделительных линиях.

Я люблю такие парковки.

Я люблю их так, как лысый любит расчёску — потому что это место, где можно показать класс.

Я скинула скорость, поймала ритм, увидела свободное место прямо у крыльца — крайнее, узкое, под углом — и зашла в него с одного движения, не сдавая назад, не подруливая. Бочком, гладко, как нож в масло. Если бы это снимали на видео, в комментариях бы написали «девочка, дай номер».

Двигатель умер. Бас репчика затих. Я улыбнулась себе в зеркало, поправила волосы, и подняла глаза.

И только тогда заметила, что у меня были зрители.

* * *

На крыльце стояли трое мужчин.

Не один. Не два. Три.

Костюмы, ботинки за всю мою магистратуру, осанка такая, будто их в раннем детстве учили «никогда не сутулься, ты потомок графа». Один в чёрном — высокий, тёмные волосы; лица в очках я толком не разглядела, но почему-то от него хотелось то ли подойти, то ли отойти, а лучше и то, и другое одновременно. Второй — светлый, улыбается, явно что-то говорит. Третий — пониже, мрачный, как будто фоном идёт траурный марш.

Они смотрели на меня.

То есть на машину. На парковку. На манёвр. Но взгляд «ну надо же» в трёх лицах одинаковый.

Я не стала рассматривать их в ответ. Незачем — каблуки, юбка, блузка, кейс, кофе, ноутбук, утро. У меня была программа на ближайший час. Я опустила очки на нос, подхватила сумку, кейс и стакан латте из подстаканника, и вышла из машины с тем особым медленным изяществом, которое демонстрируешь только тогда, когда знаешь, что на тебя смотрят и хочется, чтобы запомнили.

В этот момент у светлого зазвонил телефон.

Он что-то ответил, кивнул двум остальным, и все трое развернулись и зашли в здание.

Идеально, подумала я.

В смысле, не идеально, потому что мне теперь не на кого было смотреть с лёгкой усмешкой «так вот вы какие, мужчины Москвы». А идеально, потому что я уже шла к крыльцу, и было бы как-то странно, если бы я шла, а они стояли и продолжали меня обозревать.

Видимо, Вселенная решила, что я заслужила тихий вход.

Спасибо, Вселенная. Я запомню это на минуту.

* * *

Внутри пахло кофе, новым ковролином и амбициями.

Это, кстати, очень узнаваемый запах. В Берлине так пахло в стартап-хабах. В Амстердаме — в инвест-фондах. Запах «сюда заходят с CV и выходят с офером». Эталонный запах. От него у меня в груди сразу что-то слегка дрогнуло, как у собаки Павлова на колокольчик.

Девушка на ресепшене была хорошенькая, лет двадцати трёх, с улыбкой «я знаю, что я здесь самая красивая, и мне за это платят».

— Здравствуйте. Полина Светлова, к десяти часам, на встречу.

Она посмотрела в монитор. Что-то нажала. Подняла глаза.

— Полина Александровна?

— Можно просто Полина.

— Полина Александровна, — повторила она тем же тоном, каким врач говорит «это не вирус, это образ жизни», — третий этаж, переговорная «Север». Лифт за углом.

Север.

Хорошо, подумала я. У них здесь переговорные по сторонам света. Какие они оригинальные. В Берлине у меня была переговорная «Lentil» — стручок. Потому что у фаундера было чувство юмора, а у меня — терпение.

Я улыбнулась девушке так, чтобы она запомнила, что я не из тех, кто обижается, и пошла к лифту.

Каблуки — звонкие. Сумка — тяжёлая. Стакан латте — горячий, как все мои чувства к жизни в данную конкретную секунду.

Я была собранной.

Я была уверенной.

Я была сеньоркой.

Эту уверенность я растеряла ровно тогда, когда вышла из лифта на третьем этаже и поняла, что переговорная «Север» находится по коридору налево, а я по привычке (берлинский офис, два года, никогда не путала) свернула направо.

— Чёрт.

Я развернулась.

Каблуки уже не были такими звонкими — они были раздражающими. Кейс тёр пальцы. Латте грозился вырваться сквозь крышку. Часы на стене — это была первая внутренняя ошибка дня — показывали ту самую цифру, при виде которой мозг говорит «беги».

Я побежала.

То есть нет — я красиво и быстро пошла, потому что приличные девочки с золотой медалью и красным дипломом не бегают на каблуках в первое утро в новом офисе.

И это решение прожило ровно до момента, пока я не запнулась о ножку стула в ресепшене и не выплеснула половину латте на самый дорогой костюм, который я когда-либо видела вблизи.

— Простите, ради бога, я... — я подняла глаза.

Зря.

* * *

Костюм был дорогой.

Лицо, которое торчало над костюмом, было дороже.

Не в смысле «красивее» — хотя и в этом смысле тоже, что мне совершенно не помогало. А в том самом смысле, в каком вещи бывают дорогими: с врождённой уверенностью, что ты к ним подходишь только если соответствуешь, а если не соответствуешь — будь любезен отойди и больше не смотри.

Серые глаза. Холодные. Я говорю «холодные» не потому, что серый ассоциируется с холодом — мне зимой синие и зелёные нравятся, например, и они тёплые. А потому, что эти конкретные серые глаза смотрели так, как смотрит человек, который только что подсчитал, сколько ему стоит этот костюм, сколько стоит химчистка, и сколько по этому раскладу стою я.

В сумме у него не сходилось.

— Извините, — повторила я.

Я даже сама не поняла, как у меня получилось сказать это спокойно. Внутри уже бил набат, мозг кричал «беги в туалет, посмотри в зеркало, у тебя коричневое пятно на блузке, потому что молоко обогнало кофе, нет, это просто кофе на тебе — да всё что угодно, только не стой и не пялься в эти серые глаза», а я стояла. И пялилась.

Он опустил взгляд на свою грудь. Посмотрел на расплзающееся коричневое пятно с видом человека, который вообще не понимает, что произошло, как такое возможно, и почему это происходит с ним.

Достал салфетку из внутреннего кармана. Промокнул. Поднял взгляд обратно.

— Это была ваша последняя чашка кофе сегодня?

Голос — низкий, спокойный, без эмоций. Тот самый голос, которым старшие официанты в дорогих ресторанах говорят «к сожалению, ваш столик ещё не освобожден», и ты понимаешь, что в ближайшие полчаса не освободится, и через полчаса тоже не освободится, и вообще никогда не освободится для тебя.

— А что? — я растерялась.

— Потому что, — он аккуратно сложил салфетку, — если бы это была первая, я бы предложил вам её допить, прежде чем мы продолжим. Чтобы вы могли сосредоточиться. Не пролить ещё одну. На моего партнёра, например. У него тоже костюм.

Я моргнула.

Я моргнула ещё раз.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то острое — потому что отвечать остро было моим спортом ещё со школы — и закрыла обратно, потому что острое в этот момент могло обернуться истерикой.

— Полина Светлова, — представилась я. — К десяти часам, в переговорную «Север».

— Я знаю, — сказал он.

И всё.

Просто «я знаю». Как будто это объясняло всё.

В коридор вышел светлый. Тот самый, который смеялся на крыльце.

— Артём, ты тут чего ст... — он осёкся, увидел блузку, костюм, две позы. Молниеносно сложил два и два. И заржал. — Я не понял, у нас тут что — фронт уже?

— Я опрокинула кофе. Случайно, — сказала я, потому что молчать было хуже, чем говорить.

— Ох, как же мне жаль, — сказал светлый, и в его голосе было ноль сожаления, сто процентов восторга. — Извините, конечно, что это я смеюсь над святой драмой моего друга, но это лучшее, что случилось с этим костюмом за неделю. Он, видите ли, чёрный с прошлого вторника. Я ему говорил — добавь хоть один цвет. Не послушал. А теперь, посмотрите, цвет сам пришёл.

Артём.

Значит, его зовут Артём.

Я смотрела на Артёма и пыталась решить, кто я ему сейчас: подчинённая, нарушитель, никто или будущая проблема. По его лицу понять было нельзя — оно было закрыто, как сейф в банке после закрытия.

— Пройдёмте, — сказал он. — В переговорную. Я переоденусь и подойду через пять минут. Кирилл, заведи её.

Артём пошёл по коридору, и в этот момент в коридор вышел третий — мрачный, тот, что фоном на крыльце. Молча посмотрел на меня. Молча посмотрел на пятно. Молча кивнул Артёму. И пошёл за ним.

— Игорь, — сказал светлый мне ему в спину, как бы представляя. — Не пугайтесь, он всегда такой. Это не значит, что он вас не любит. Это значит, что он вообще никого не любит, кроме своих доспехов. У него где-то в кабинете лежат, я уверен.

Я молчала.

Я очень старалась молчать.

— Я, кстати, Кирилл, — сказал светлый. — Вы Полина. Полина — Кирилл. Я очень рад знакомству. У вас прекрасная Audi. Мне очень нужна такая же. Может, договоримся?

Я сглотнула.

— Что?

— Я в окно смотрел. Десять минут назад. Видел, как кто-то припарковался у входа так, что мне захотелось бросить всё и пойти учиться парковаться заново. Это были вы.

Я устала на него.

Потом — себе под ноги.

Потом — на дверь переговорной.

Потом снова на Кирилла.

Они. Это были — они. Три фигуры на крыльце. Чёрный в очках — Артём. Светлый, ржущий — Кирилл. Мрачный — Игорь.

Это были не клиенты. Не партнёры. Не случайные прохожие.

Это были мои новые боссы. Все. Трое. Из них одного я только что облила кофе.

— Кирилл, — сказала я очень спокойно. — А вы случайно... не совладельцы компании, в которую я только что устроилась?

Кирилл расплылся в улыбке. Той самой, при виде которой матери закрывают своих дочерей в комнатах.

— А что, кто-то ещё нет?

* * *

Дальше — был, наверное, самый длинный час моей профессиональной жизни.

В переговорной «Север» я села спиной к окну (это была моя ошибка номер три за утро, потому что Артём сел напротив, и за его плечом была идеальная картина — синее небо, шпиль, моя любимая утренняя Москва, — и мне всё это совершенно не помогало сосредоточиться). Кирилл сел справа. Игорь сел в углу, и казалось, что он не сидел, а просто временно занимал позицию.

Артём пришёл через четыре минуты, переодевшийся, такой же сдержанный, с той же холодной серой ясностью в глазах, как будто никакого кофе никогда не было. На записках — что-то простое, без блёсток. Часы — без логотипа, потому что некоторым людям логотип не нужен, всем и так понятно.

Он сел, открыл папку и сказал:

— Полина Александровна. Расскажите нам про проект, над которым вы работали последние два года.

Без приветствия. Без «очень рады». Без «добро пожаловать».

Сразу.

И я начала рассказывать.

Я знала свой проект так, как мать знает голос своего ребёнка из соседней комнаты. Я говорила без слайдов, без бумажек, поднимая руки, рисуя в воздухе схемы, отвечая на вопросы быстрее, чем они успевали закончиться. Кирилл слушал внимательно — он, кстати, оказался куда более серьёзным, чем казался по первому впечатлению. Игорь молча кивал. А Артём...

Артём смотрел на меня так, будто я была сложным уравнением, в котором он не мог найти ошибку, и это его страшно бесило.

— Достаточно, — сказал он наконец. Прервал меня посреди предложения.

Я замолчала.

— Завтра у вас рабочий день начинается в девять. Не в десять. Не в десять-двадцать. В девять. Договорились?

— Договорились, — сказала я.

— И, Полина Александровна. — Он закрыл папку. — Постарайтесь больше ни во что не врезаться. Это бизнес-центр, а не аттракцион.

Я улыбнулась.

Очень мило улыбнулась. Той самой улыбкой, которой бабушка моей мамы улыбалась людям, перед тем как сказать им что-то такое, после чего они потом полгода вспоминали и думали «как же я мог это пропустить».

— Хорошо, Артём, — сказала я. — А вы постарайтесь больше не стоять там, куда я лечу. Это удобно? Это работает? Это бизнес-центр.

Кирилл закашлялся.

Игорь, кажется, впервые за час шевельнул бровью.

А Артём...

Артём не сказал ничего. Просто посмотрел на меня. Долго. Серо.

И в этот момент я поняла одну вещь, которую не должна была понимать в первый рабочий день, и которую я очень-очень не хотела понимать вообще никогда.

Этот человек был для меня опасен.

Не как босс. Не как босс — это понятно, у меня и до него были суровые шефы, и я в их адекватной строгости не путалась. И не как мужчина — мужчины в принципе перестали быть для меня опасны лет шесть назад, после того как один из них показал мне, какими бывают мужчины, после чего я приняла твёрдое решение, что у меня иммунитет.

Артём был для меня опасен как новый сорт чая, который ты пробуешь один раз, а потом полгода ищешь по всему городу.

И это *было* плохо.

Это было *очень* плохо.

* * *

Я вышла из переговорной, дошла до своего нового кабинета (свой! отдельный! с окном!), села за стол, и первое, что я сделала — посмотрела в окно.

Внизу, на парковке, стояла **моя** S5.

Матовая. Тёмно-синяя. **Любимая**.

А сверху, в стеклянном отражении, поверх неё, я видела Артёма. Он стоял у окна своего кабинета этажом выше и тоже смотрел вниз.

Он не видел, что я его видела.

Но он смотрел.

На мою машину.

Долго.

— Так, — тихо сказала я, обращаясь к самой себе, к моему свежесваренному кофе, к моему новому кабинету и моей новой жизни. — Полина. Слушай меня. Сегодня вечером ты идёшь к Евке, ты пьёшь, ты рассказываешь. И ты, главное, не делаешь глупостей.

Глупости я делать не умею, говорила я себе.

Это, как выяснилось позже, была моя четвёртая **ошибка** за день.

И моя самая большая.

От автора:

Ну, девочки, вы выжили после первой главы. Я тоже. Это моя первая книга здесь, я её писала теми же руками, которые до этого никогда не нажимали кнопку «Опубликовать». Если зашло — поставьте сердечко, напишите словечко в комментариях. Молчание для автора страшнее любой ругани. Дальше будет горячо. Спасибо, что вы здесь.

Целую, Кира

Глава 2

«Сеньорка с пятном на блузке»

Утром я проснулась с одной мыслью.

«Полина, ты *в порядке*.»

Это была ложь. Я была не в порядке. Но это была хорошая профессиональная ложь, которую я могла продать самой себе хотя бы до завтрака. А до завтрака, как известно, можно продать что угодно — даже идею пробежки.

В голове крутились две сцены.

Первая — серые глаза, которые смотрели на меня поверх коричневого пятна, как будто мысленно подсчитывали стоимость моей замены.

Вторая — те же серые глаза. Только не в кадре. В отражении. Они смотрели на мою машину.

Из этих двух сцен мне совершенно не нравилось одно: вторая беспокоила меня больше первой.

Я встала.

Я сварила кофе. На этот раз в кружке.

Я поклялась себе три раза подряд, что сегодня не пролью его ни на что и ни на кого. Особенно — ни на одного из 13 миллионов жителей этого города, у которых костюм стоит как мой отпуск.

После этого я открыла шкаф.

Каблуки, которые мне вчера так помогли продвинуть карьеру, лежали в углу прихожей в позе раненой газели. Я посмотрела на них долго. Они посмотрели в ответ. И мы обе поняли, что у наших отношений нет будущего.

Кеды, — сказала я им. — Сегодня кеды.

Кеды у меня были хорошие. Белые, кожаные, итальянские, такие, какие приличные люди берут после первой годовой премии. Под них широкие брюки, шёлковая блузка, пиджак, на шею тонкая цепочка. Сумка хорошая, очки — мои любимые, янтарные. И, без лишних слов, я снова была собой.

Я. В кедах. С кофе в кружке. Без пятен. Без иллюзий.

Так-то *лучше*.

* * *

В офис я приехала в восемь пятьдесят восемь.

Я люблю это время — за две минуты до. Не за час, не за двадцать минут. За две. Это идеальный баланс между «я ответственная» и «я не отчаянная». Те, кто приходит за час, выглядят либо подхалимами, либо одиноками. Те, кто приходит за минуту до, выглядят либо опаздывающими, либо инфлюенсерами. А две минуты — это аристократия пунктуальности.

В лифте пусто. Я внимательно посмотрела на себя в стекло. Никаких пятен. Никаких следов. Я снова была сеньоркой. На этот раз настоящей.

Третий этаж. Шаг. Ещё шаг.

У двери моего нового кабинета стоял мужчина.

Не Артём, я первым делом проверила. На второй секунде проверки я обругала себя за то, что проверила. На третьей секунде обругала ещё раз, потому что облегчение, которое я почувствовала, было неуместным.

Мужчина был лет тридцати, в худи под пиджаком (есть такая порода московских айтишников, которые думают, что пиджак сверху худи спасает от взгляда HR; не спасает), с улыб-

кой человека, который точно знает, что его никто не уволит, потому что он один из двух, кто понимает легаси-код.

— Полина? — он протянул руку. — Дима, проджект-менеджер. Я ваш... ну, тот человек, который объяснит вам, как у нас тут что не работает.

— Полина, — я пожалала его руку. — Очень приятно. А мне обычно объясняют наоборот: как тут всё работает. Но я гибкая.

— У нас работает только кофемашина, и то по настроению. Идёмте, я познакомлю вас с командой. Они уже волнуются. По офису ходят слухи.

— Какие слухи?

— Что у нас новый сеньор. Что она блонд. Что она работала в Берлине. И что вчера она устроила пожар на встрече с боссами.

Я посмотрела на Диму.

— Откуда?..

— Полина, — он улыбнулся ещё шире, — у нас стеклянные стены. У нас всё стеклянное, кроме туалета. И то я не уверен.

* * *

Команда у меня состояла из шести человек.

Дима — РМ, который вёл меня сейчас и объяснял по дороге, кто есть кто.

Ирина Сергеевна — тех-лид аналитики. Сорок плюс, очки в тонкой оправе, волосы в безупречный пучок, кофе в идентичном термостакане каждый день. По описанию Димы — «человек, который один раз нашёл ошибку в коде Гугла и заставил их сделать пулл-реквест в её фронт». По её собственному взгляду на меня в момент знакомства — «у вас, надеюсь, есть IQ. Если нет, у меня нет времени.»

Я ей очень понравилась с первой минуты. Я понимаю, что это звучит самонадеянно. Но иногда люди узнают своих по тому, как другой человек складывает руки. Мы — складывали одинаково.

Серёжа — бэк-разработчик. Серёжа был молодой, в худе (на этот раз — без пиджака сверху, потому что Серёжа в социальные конвенции не верил), с двумя мониторами, наушниками на шее и выражением лица «не подходите ко мне, я думаю». Он поднял на меня глаза на полторы секунды, кивнул, и вернулся в монитор. Это был, как объяснил Дима, его максимальный социальный жест за день. Он, видимо, израсходовал свой ресурс на меня.

Лена — фронт-разработчик, девочка двадцати четырёх, в очках с фиолетовыми стёклами и с татуировкой стрекозы на запястье. Лена сразу же сказала мне:

— Если что — у меня есть кот. На случай, если будет плохой день. Его зовут Капитан.

— Очень рада, — сказала я. — На какой день мне записаться?

— Я записываю по средам и пятницам.

— Записывайте на сегодня.

Лена смеялась. Серёжа, не отрываясь от монитора, тоже издал звук, который, возможно, был смехом. У Лены и Серёжи, видимо, был свой код.

Костя — мобильный разработчик. Костя был приятный, спокойный, с лицом человека, который дома готовит сам и любит свою маму. Я его сразу полюбила, по чисто бессознательным причинам.

И Соня.

Соня сидела у окна, согнувшись над ноутбуком в позе вопросительного знака. Худенькая, тихая, в коричневом джемпере, с двумя длинными светло-русыми косичками. Очки большие, в чёрной оправе. Глаз я не увидела, потому что она в момент моего появления была погружена в Excel так, как другие погружаются в Достоевского.

— Соня, — позвал Дима. — Это Полина.

Соня подняла голову.

И я увидела глаза.

Знаете, бывают люди, у которых глаза — это просто глаза. А бывают люди, у которых в глазах целый исследовательский институт. Так вот, в Сониных глазах был институт. С аспирантами. С докторской диссертацией. С грантом от международного фонда.

— Здравствуйте, — сказала Соня. Очень тихо.

— Привет, — сказала я. — Очень рада знакомству. Дима сказал, ты стажёр. Ты на каком курсе?

— На пятом. ВМК.

ВМК. МГУ.

Ну конечно.

— А диплом по чему?

— Прогнозные модели поведения пользователей на основе несбалансированных временных рядов.

Я моргнула.

— Соня, — сказала я очень спокойно. — Я тебя удочеряю.

Соня моргнула.

Команда заржала.

Я, видимо, прошла какую-то невидимую проверку.

* * *

К обеду я уже сидела с Соней над данными.

Не потому, что я обязана была проводить с ней весь день. А потому, что в течение первых двух часов в офисе Соня сделала три вещи, которые меня впечатлили.

Первое: она молча принесла мне чашку чая, без вопросов, без слов. Зелёный. С лимоном. Угадала.

Второе: она поправила меня. Очень тихо. По коду. Я смотрела на чужой модуль, чтобы понять архитектуру, и сказала вслух (плохая привычка, я знаю): «А почему вот это значение здесь приходит строкой?». Соня, не поднимая головы, сказала: «Потому что выше идёт неявное преобразование с потерей точности. Скорее всего, поэтому у нас в проде иногда дробятся миллиенты. Это давний баг, мы его не нашли.»

Я уставилась на Соню.

Соня уставилась в свой ноутбук.

Третье: когда я сказала вслух «о, я хочу посмотреть данные за последний квартал», Соня молча — без вопроса, без объяснения — прислала мне в чат ссылку на дашборд, которую, как я узнала позже, она собирала сама ночью «на всякий случай», потому что услышала, что новый сеньор приходит.

Соня.

Соня, которая выглядит как тётяшка-библиотекарь, заблудившаяся между стеллажами.

Соня — это находка.

Я закрыла ноутбук, подошла к её столу, села рядом и сказала:

— Соня. Ты будешь моим ребёнком в этом офисе. Если кто-то тебя обидит — приходишь ко мне. Я их убиваю. Если ты захочешь повышения — приходишь ко мне. Я его выбиваю. Если у тебя плохой день — приходишь ко мне, я ругаюсь матом и угощаю чаем. Договорились?

Соня медленно подняла голову.

И я впервые увидела, как она улыбается.

Улыбка у неё была как у ребёнка, который впервые услышал, что Дед Мороз настоящий.

— Договорились, — прошептала Соня.

* * *

В три часа дня была летучка.

Я подходила к переговорной с двумя мыслями. Первая: «не пролей кофе». Вторая: «не смотри в его серые глаза дольше двух секунд, потому что после двух секунд начинается дез-ориентация в пространстве и времени».

В переговорной были трое.

Кирилл в кресле в позе «я пришёл сюда отдыхать», ноги почти на столе. При виде меня просиял:

— О, наш кофейный ангел! Без подарков сегодня?

— Без, — сказала я. — Я ношу подарки только избранным. Артёма я обновила.

Игорь у окна. Кивнул. Это была вся реплика.

Артём — во главе стола. Костюм другой, тёмно-серый. Лицо то же. Серое, холодное, закрытое.

— Полина Александровна. Садитесь.

Я села.

— Расскажите, как прошёл первый день. Не лично. По командной работе.

Я рассказала.

Я говорила минут десять, без подсказок, без бумажек, с конкретикой. Кто что делает, где узкие места, что я планирую поменять в первые две недели, на что нужно отдельное согласование. Кирилл слушал и кивал. Игорь смотрел в потолок, но я уже понимала, что Игорь, когда смотрит в потолок, на самом деле слышит всё, включая дыхание. Артём держал ручку в руках и почти не двигался.

Когда я закончила, он спросил три вопроса подряд.

Первый — технический. Я ответила.

Второй — про сроки. Я ответила.

Третий — без подготовки, без подводки, ровным голосом.

— Скажите, Полина Александровна. Когда вы предлагаете менять архитектуру первого модуля — вы понимаете, что это переписать половину фронтенда? Или вы это предлагаете, не понимая?

Я выдохнула.

Через нос.

Очень мягко.

— Артём. Я предлагаю это, понимая. Это переписать треть фронтенда. Половиной это станет, если мы будем тянуть ещё месяц. Чем дольше тянем — тем дороже. Я думала, в вашем бизнесе это понимают.

Кирилл закашлялся.

Игорь, кажется, впервые перестал смотреть в потолок.

Артём — не сразу, не сразу, а через секунду — медленно положил ручку.

— В моём бизнесе это понимают. Я уточнял, понимаете ли это вы.

— Понимаю.

— Хорошо.

И всё.

Никакого «извините, я ошибся». Никакого «вижу, что вы профессионал». Просто «хорошо», как будто это была обычная процедура — швырнуть в человека утверждение, посмотреть, как он его отбивает, и оценить силу удара.

В этот момент я поняла одну вещь.

Артём играл. Со мной. С первого дня. И ему это нравилось.

А мне... Мне это, конечно, ужасно не нравилось. Я даже сама себя в этом убеждала. И я очень-очень не хотела думать о том, как мне в действительности не "не нравилось", а наоборот.

Не было такого слова, как «наоборот».

Нет.

Не было.

— Это всё на сегодня, — сказал Артём. — Завтра в десять — план по второму модулю. Подготовьте. Спасибо.

Я встала. Кирилл подмигнул. Игорь молча кивнул. Артём — не поднял глаз.

Я вышла из переговорной.

Сделала четыре шага по коридору.

Зашла в ближайший туалет.

Закрыла за собой дверь.

И первый раз за день — позволила себе сказать вслух, очень тихо, всё, что я думаю об Артёме.

Я не буду здесь это воспроизводить. Воспитание не позволяет.

Скажу одно: я закончила фразой «я тебя ненавижу», и мне самой не понравилось, как я это сказала.

Потому что когда ты по-настоящему ненавидишь, ты не говоришь это шёпотом в туалете. Ты вообще это не говоришь. Ты идёшь домой и забываешь.

А я повторила это шёпотом. Дважды.

Это было плохо.

* * *

Конец дня. Семь вечера. Я выхожу к лифту.

Лифт открывается.

В лифте — он.

Один. Стоит спиной к зеркалу, лицом ко мне.

Серые глаза.

Я зашла.

Я могла бы пропустить лифт. Я не пропустила.

Двери закрылись.

Мы поехали вниз в полной тишине, в маленькой стеклянной коробке, и я очень сосредоточенно смотрела на цифры этажей на табло, как будто это был интересный сериал.

На втором этаже он сказал:

— Кеды.

Я не сразу поняла.

— Что?

— Сегодня — кеды. Вчера были каблуки.

Я повернула голову.

Он смотрел не на меня. Он смотрел в потолок лифта.

— Да, — сказала я. — Каблуки оказались плохой инвестицией.

— Я заметил.

Двери открылись.

Я вышла. Он остался.

На крыльце холодный осенний воздух, моя матовая S5 у входа, и моя собственная очень нехорошая мысль, что человек, который заметил у меня смену обуви — это либо подозрительный человек, либо очень внимательный.

Я не знала, какой вариант хуже.

* * *

Ева открыла дверь в шёлковом халате цвета горящей нефти, на каблуках-стилетах, с двумя картинками, по одному в каждой руке.

— Заходи, — сказала Ева. — Я тебя жду с одиннадцати утра.

— Сейчас восемь вечера.

— Я знаю. Чего ты столько ехала, я начала пить без тебя, у меня сейчас третий бокал. Ты отстаёшь, нагоняй.

Я зашла. В Евиной квартире пахло, как обычно, парфюмом, цветами и небольшим скандалом. У Евы всегда так пахло, даже когда у неё никого не было дома, кроме неё самой. Кошки, людей, скандалов — ничего. Просто запах был такой, фирменный.

Я опустилась на её бархатный диван цвета вина, который, она клялась, она купила в Милане у потомков графов. Я ей не верила. У Евы половина мебели была от потомков графов, а вторая — от потомков графов с другой ветки.

— Так, — сказала Ева, садясь напротив меня и поджимая ноги. — Я хочу всё. Я хочу подробности. Я хочу запахи. Я хочу диалоги. Если ты пропустишь хоть один цвет глаз — я тебе не подруга.

— Ева, у меня было два рабочих дня.

— И что?

— И за два дня я успела облить кофе своего нового босса, поссориться с ним на планёрке, и встретиться с ним в лифте, где он сделал мне комплимент моим кедам.

Ева замерла.

Замерла в той специальной позе, в которой замирают только кошки и Ева, когда чувствуют добычу.

— Полина.

— Что?

— Ты сказала «комплимент моим кедам». Через два дня после знакомства.

— Ева, это был не комплимент. Это была констатация.

— Полина. Любая констатация мужчины относительно того, что ты на себя надела, — это комплимент. Запиши. Сохрани. Перечитывай каждое утро.

— Это был не комплимент.

— Полина.

— Что.

— А каким голосом он это сказал?

Я открыла рот.

Я закрыла рот.

Я выпила полбокала martinis.

— Низким. Спокойным. Без выражения.

— ОН ТВОЙ.

— Ева!

— Полина! Низкий, спокойный, без выражения! Это, мать его, формула! Это формула «я думаю про тебя третий день, я ничего тебе не покажу, и я при этом не могу больше молчать»! Это классика! Это база! Это — это...

— Ева, тише.

— Полина, я не могу тише. Я тебя предупреждала.

— Когда?

— Я не помню, но я предупреждала. Я всегда тебя предупреждаю. Это моя функция. Я как радар.

Я сделала большой глоток martinis.

Я чувствовала, как martinis проходит по горлу, и думала, что, кажется, мне нужно ещё. И что, кажется, Ева — лучшая подруга, которая у меня когда-либо была. И что, кажется, у меня большие проблемы.

— Ева, — сказала я. — Послушай меня. Этому человеку — тридцать два года. Он совладелец компании. Он холодный, расчётливый, у него лицо человека, который в десять лет уже знал, что хочет себе мерседес. Он пугает половину моей команды. Он сегодня сказал мне в

лицо — на летучке, при всех — что я предлагаю переписать половину фронтенда, не понимая, что я предлагаю. Понимаешь? Он меня публично проверял. Как студентку. Как нашалившую студентку.

— Полина.

— Что?

— А он симпатичный?

Я закрыла лицо руками.

— Ева. Я тебя обожаю. Но иногда мне хочется тебя ударить.

— Это значит «да». Запиши: «да».

— Это не значит «да». Это значит — это не важно. Не важно, симпатичный он или нет. Я с ним работаю. Мы не друзья. Мы не партнёры. Мы — он мой босс. И я не та девочка, которая спит со своим боссом, ты меня знаешь.

— Знаю, — кивнула Ева. — Ты та девочка, которая ни с кем не спит уже два года. Это, кстати, тоже проблема, но мы её сегодня не обсуждаем.

— Спасибо.

— Не за что. Полина. Послушай. Я не говорю «спи с ним». Я говорю: будь к нему внимательна. Если человек смотрит на тебя как ты говоришь — серо, долго, неотрывно, — это не «он мой босс». Это «он мой босс, и у меня скоро будет проблема». Чем быстрее ты её увидишь, тем меньше времени уйдёт на то, чтобы с ней разобраться.

Я молчала.

Ева — не молчала. Ева редко молчала.

— А этот светлый? Кирилл? Он чей?

— Не знаю. Не мой.

— Хорошо. Беру. Так. И ещё. Полина, последний вопрос. Очень важный.

— Что?

— Ты ведь не общаешься с Никитой?

Я подняла глаза.

— Конечно нет.

— Ну и хорошо. Антон сказал, что Никита недавно был у них в компании и спрашивал про тебя. Я просто на всякий случай.

Я пожала плечами.

— Пусть спрашивает. Я ему отвечу через шесть лет, как он когда-то отвечал мне.

— **Богиня.**

— **Подруга.**

Мы чокнулись бокалами.

Ева залпом допила свой и налила нам ещё.

— За твою новую работу, — сказала Ева. — За то, чтобы *серые глаза* остались всего **лишь** глазами. И за то, чтобы кеды у нас всегда были хорошие.

— За кеды, — согласилась я.

Мы выпили.

А серые глаза — серые глаза я в эту ночь снова видела. Во сне. В лифте. И снова он смотрел в потолок.

И на этот раз я понимала, что в потолок он смотрит, потому что если он посмотрит на меня — то всё.

Это была моя пятая ошибка.

Думать про него во сне.

Но об этом — *потом*.

От автора:

Девочки, простите меня за все эти «архитектуры», «модули» и «фронтенды». Я вас предупреждала — Полина у нас программистка, и иногда её несёт. Обещаю: больше так не будет. Я уже отвела её в сторонку и сказала «Полин, читатели не за этим пришли». Полина кивнула. Полина обещала. Дальше — про серые глаза, ревность и одну итальянскую улыбку.

Целую, Кира

Глава 3

«Мужчина в её машине — катастрофа»

К пятнице у меня в офисе была мирная инфраструктура.

Дима ко мне приходил каждые два часа с вопросами и шоколадками (он переживал, что новый сеньор может не выдержать). Серёжа в худи научился показывать, что я ему нравлюсь — он стал кивать мне в коридоре. Это, как мне объяснила Лена, был его максимальный комплимент за весь рабочий квартал. Лена приносила мне свежие сплетни о соседних отделах, под видом рабочих новостей. Ирина Сергеевна, тех-лид, признала меня за равную — я знала это, потому что она однажды позвала меня на кофе. Просто на кофе. Без повода. Это было её посвящение в рыцари.

Соня сидела со мной в одном кабинете. Я добила этого на второй день. Я сказала Диме: «Дима, мне нужна Соня рядом». Дима сказал: «Понимаю». Через час Соню переселили.

Соня молчала. Соня работала. Соня иногда поднимала на меня свои огромные глаза за стёклами очков, и в этом взгляде была такая благодарность, что я начинала чувствовать себя матерью Терезой, что мне было совершенно несвойственно.

С тремя боссами я почти не пересекалась.

Кирилл появлялся раз в день, в обед, с шуткой и пустым стаканом. Стакан он наливал у нашего кулера. Шутку отпускал и уходил, не дожидаясь реакции. Это, как я поняла позже, была его манера. Он бросал шутки в пространство, как монетки в фонтан — на удачу, не проверяя, исполнилось ли желание.

Игорь не появлялся. То есть он, конечно, был где-то — мрачная фоновая фигура в дорогом сером свитере, проходящая по коридору раз в день, как ветер с моря. Но в кабинет ко мне он ни разу не зашёл. Я не знала, хорошо это или плохо.

Артём приходил. Не часто. Раз в день. Под предлогом «уточнить детали». Стоял в дверях. Спрашивал что-то конкретное. Получал ответ. Уходил.

Каждый раз, когда он приходил, у меня в кабинете на полминуты переставало хватать воздуха.

Я делала вид, что я этого не замечаю.

Артём, как мне казалось, делал вид, что он этого не замечает тоже.

Мы оба, я уверена, выглядели в эти минуты как два очень профессиональных человека, которые не отвлекаются на пустяки.

Это была ложь, но красивая.

* * *

В пятницу утром в дверях кабинета появился Дима.

— Полина, — сказал Дима, и я по его лицу сразу поняла, что Дима пришёл с проблемой. — У меня для тебя новость. Хорошая и плохая. В одном пакете.

— Давай хорошую.

— Сегодня в три у нас встреча с заказчиком. Соловьёв. Леонид Григорьевич. Помнишь?

— Помню. Я с ним работала из Берлина. Хороший дядька. Что плохого?

— Плохое в том, что он попросил, чтобы был ты и кто-то из руководства. Лично. Под кофе. В его офисе.

— И?

— Кирилл занят. Игорь... Игорь почти не ездит на встречи. У Игоря, насколько я знаю, есть только два маршрута: дом — офис и обратно. По остальным он не передвигается.

— Тогда Артём?

— Тогда Артём.

Я выдохнула.

Очень медленно. Через нос. С внутренним монологом, который я не буду здесь воспроизводить, потому что эта книга для приличной аудитории.

— Дима.

— Да?

— Сколько ехать до офиса Соловьёва?

— В пятницу днём? Час туда. Час обратно. Если повезёт. Если нет — полтора. Если совсем нет — два.

— Понимаю.

— Полина, ты хорошо себя чувствуешь? Ты вдруг побледнела.

— Прекрасно, Дима. Кто за рулём?

— Артём, скорее всего, пришлёт машину.

— Никаких машин. Я еду на своей.

— Полина.

— Что, Дима?

— Это босс.

— Я знаю.

— Это твой босс.

— Я знаю, Дима.

— И ты повезёшь его. На своей. Через всю Москву. В пятницу днём.

— Дима, ты сейчас перечисляешь мне факты или ты ставишь под сомнение мою способность их вынести?

— Я ставлю под сомнение мою способность это вынести.

Я посмотрела на Диму.

Дима посмотрел на меня.

Соня в углу очень тихо, не поднимая головы от ноутбука, сказала:

— Я могу подготовить документы за это время.

Я поняла, что Соня всё слышит, всё понимает, и тактично нам сообщает, что она будет на моей стороне в любом случае.

— Соня, ты ангел.

— Я просто подготовлю документы, — сказала Соня.

* * *

В начале второго я стояла у машины.

Я зашла в туалет до этого. Я там провела четыре минуты. За эти четыре минуты я успела: проверить макияж (нормально), проверить дыхание (нормально), проверить, не пахнет ли от меня чесноком после обеда (нет, я обедала рисом, специально, заранее зная, что у меня может быть незапланированный физический контакт с кем угодно), и сказать себе в зеркало одну фразу.

Фраза была такая.

«Полина. Он — твой босс. Он — мужчина. У него рост метр восемьдесят восемь и серые глаза, и ему тридцать два, и в твоей маленькой машине вы сейчас будете два часа сидеть на расстоянии полуметра. Это всё нормально. Это просто работа. Просто работа. Просто работа.»

Я повторила «просто работа» столько раз, что слова потеряли смысл. Я тогда поняла, что это плохой знак. Когда слова на пятом повторе теряют смысл — это знак, что ты с ними разговариваешь не для смысла, а для веры. А вера — это уже не работа. Это уже что-то другое.

Я вышла.

Артём ждал у машины.

В чёрном пальто. С портфелем в одной руке. В перчатках. Он стоял у моей S5 как человек, который пришёл оценить недвижимость.

— Полина Александровна.

— Артём. Здравствуйте.

— У вас, я смотрю, своя машина. Я мог прислать водителя.

— Я знаю. Я предпочла свою.

— Вы за рулём?

— Я за рулём.

Пауза.

Пауза такая, в которой человек, привыкший быть в любой машине пассажиром только на месте водителя, осознаёт, что сейчас будет иначе.

— Хорошо, — сказал Артём.

«Хорошо» у него было — не как у меня. У меня «хорошо» — это согласие. У него «хорошо» — это констатация ситуации, которую он принимает, но не одобряет. Как когда тебя в гостях угощают чем-то экзотическим, и ты говоришь «хорошо», в смысле «ладно, попробую, посмотрим, может, выживу».

Я открыла машину. Села. Завела.

Артём сел справа от меня.

И в этот момент моя машина, которая всегда казалась мне просторной, вдруг стала очень маленькой.

* * *

Он был большой.

В смысле рост, плечи, длинные ноги. S5 — не самый просторный автомобиль. Когда туда садится человек метр восемьдесят восемь, и тебе нужно переключать передачу, между вашими руками остаётся примерно семь сантиметров пространства.

Я не считала. Я измерила глазами.

Это было хорошее измерение. Не самое утешительное.

Артём пристегнулся.

Артём проверил ремень — тянул, как будто хотел убедиться, что он работает. Артём, видимо, не доверял моей машине.

Или мне.

Скорее всего мне.

Я тронулась.

Аккуратно. Без рывков. Спокойно. Так, как ездят порядочные водители, у которых на пассажирском кресле сидит инспектор ГИБДД или большой начальник.

Я выехала с парковки, повернула на улицу, встроилась в поток. Артём молчал. Я молчала. В машине было слышно только тихое урчание двигателя и моё собственное дыхание, которое я очень старалась сделать тихим, и от этого оно становилось громче.

На втором светофоре он сказал:

— Включите.

Я повернула голову.

— Что?

— Музыку. Включите.

— Артём, у меня в машине обычно... не такая музыка, какую слушают на встречах с заказчиком.

— Я знаю. Я слышал. Утром, в среду, на парковке.

Я уставилась на него.

Артём смотрел вперёд.

— Я приехал раньше вас. Я был на крыльце, когда вы припарковались. Через два дня после первой встречи. У вас в машине играл рэп. Громко.

— Вы запомнили?

— Я заметил.

Я не знала, что сказать.

Я нажала на кнопку.

В машине заиграл рэп. Не самый громкий — у меня хватило ума сделать поправку на пассажира. Но узнаваемый, ровный, жёсткий.

Артём не шевельнулся.

Артём молчал.

Артём, кажется, слушал.

Через минуту я сказала, не глядя на него:

— Если вам не нравится, я выключу.

— Мне нравится.

Я моргнула.

— Серьёзно?

— Полина Александровна, я ещё ни разу в жизни не сказал «мне нравится» из вежливости. У меня нет такой функции в характере.

— Это я заметила.

— Что заметили?

— Что у вас нет функции «из вежливости».

Артём впервые за этот день или, может, за неделю, не уверена, я не очень внимательно следила, слегка повернул голову и изобразил подобие улыбки.

Едва заметно.

На полсантиметра.

Но я заметила.

* * *

На третьем кольце я попала в плотный поток.

Плотный — это вежливое слово. Если переводить с московского на человеческий, это было «вы стоите, дышите выхлопами, и думаете, не лучше ли вернуться домой и сказать клиенту, что он сам виноват, что живёт на западе».

Я выждала. Поймала окно. Перестроилась — один раз, второй, третий. Это были чистые перестроения, такие, какие делает человек, который десять лет ездит и понимает, что московская дорога не прощает раздумий. Кто думает — тот стоит. Кто едет — тот едет.

Артём держался за поручень.

Один раз.

На третьем перестроении.

Он не схватился, он положил руку. Аккуратно. Без напряжения. Так, как человек, который вообще не привык быть пассажиром, кладёт руку на поручень — на всякий случай, не от страха.

Через пятнадцать секунд он эту руку убрал.

Я успела это заметить. Я смотрела на дорогу, но я заметила. У меня очень хорошее периферическое зрение, я выработала его в Берлине, где велосипедисты вылетают из ниоткуда со скоростью самолёта.

Артём убрал руку с поручня, и положил её обратно на колено.

Свое колено.

Потому что в этой машине, в этот момент, на этом расстоянии, его колено и моё были на расстоянии примерно пятнадцати сантиметров. И я почему-то очень хорошо чувствовала эту дистанцию.

Это, видимо, тоже было плохим знаком.

Я нажала на газ.

В свободное окно. Без агрессии — просто с уверенностью. Машина откликнулась. Артём не сказал ничего.

Через тридцать секунд он сказал:

— Сама копила?

Я не сразу поняла, о чём он.

— Что?

— Машина. Сама копила?

— Три года, — сказала я. — Что, не похоже?

Он не ответил.

Он посмотрел на меня — я это поняла, потому что услышала, как изменился наклон его головы. Он смотрел на меня, наверное, две секунды. Может, три. Может, чуть больше.

А потом снова отвернулся к дороге.

И сказал — очень тихо, как будто не для меня, а для себя:

— Похоже.

Я молчала.

Я ехала.

В этот момент я очень хорошо знала, что не должна радоваться. Что это просто слово. Что любой случайный мужчина в случайной машине мог бы посмотреть и сказать «похоже». Что это вообще ни о чём.

Я очень хорошо это знала.

И мне это совершенно никак не помогало.

* * *

Соловьёв принял нас в своём офисе на Пресне.

Леонид Григорьевич был большой, седой, с громким голосом, с лицом человека, который начал в девяностых, прошёл через всё, и теперь имеет право на любые слабости. Слабости у него были небольшие — он любил хороший коньяк, охоту и людей, которые понимают своё дело.

Меня он встретил с распростёртыми объятиями.

— Полюбочка, — сказал Соловьёв, обнимая меня. Леонид Григорьевич обнимал всех, кого он считал своими. Меня он, видимо, считал своей. — Полюбочка, я тебя три года назад нашёл, и три года я говорил всем своим — ребята, вот человек. И вот ты вернулась. И я счастлив.

— Леонид Григорьевич, я тоже очень рада.

— А это кто? — он посмотрел на Артёма.

— Это, — сказала я очень нейтрально, — Артём Северов. Один из новых владельцев нашей компании.

— А, — сказал Соловьёв. — Понятно. Очень приятно.

Они пожали друг другу руки.

Если бы я не знала Соловьёва, я бы не заметила. Но я знала. Соловьёв пожал Артёму руку без своей обычной приветственной теплоты. Он, видимо, оценивал. Прикидывал. Решал, относится ли этот молодой человек к категории «свой» или к категории «надо посмотреть».

Не очень похоже было, что Соловьёв сразу включил Артёма в первую категорию.

— Ну, — сказал Соловьёв, садясь, — давайте к делу. Полюбочка, расскажи мне, как ты планируешь сделать так, чтобы у меня люди в приложении не выходили на втором экране.

Я начала рассказывать.

Я знала продукт Соловьёва, как родное. Я с его командой работала из Берлина — звонки по средам, проверка дашбордов, исправление ошибок. Я понимала, где у них болит, что не работает, где они теряют людей. Я говорила без бумажки, рисовала на стекле маркером, переключала тему, возвращалась, отвечала на вопросы, задавала свои.

Соловьёв слушал, кивал, иногда смеялся.

Артём сидел в кресле. Молчал. Не задал ни одного вопроса.

Через двадцать минут Соловьёв сказал:

— Полюсочка. Я тебя слушаю и понимаю, что я зря переживал. Делай, как видишь. Я подпишу всё, что ты принесёшь. Только не уходи опять, ладно?

— Не уйду, Леонид Григорьевич.

— Хорошо.

Он повернулся к Артёму.

— Молодой человек. Я не знаю, как вы там купили эту компанию. Я не знаю, какие у вас планы. Я знаю одно: Полюсочку — берегите. Она дороже компании.

Я открыла рот.

Я закрыла рот.

Я подумала, что мне хочется одновременно обнять Соловьёва и провалиться сквозь паркет.

Артём, впервые с момента, как мы вошли, посмотрел Соловьёву прямо в глаза.

— Я в курсе, Леонид Григорьевич.

Соловьёв прищурился.

— В курсе?

— В курсе.

Пауза.

Очень небольшая. Я не уверена, что я её правильно интерпретировала.

— Ну тогда хорошо, — сказал Соловьёв. — Тогда я доволен.

* * *

Из офиса Соловьёва мы выходили в шесть вечера.

Москва уже включила вечернюю иллюминацию, пробки пробудились во всей своей красе, и моё единственное желание было — сесть в машину, включить рэп на полную громкость, и ехать куда угодно, лишь бы не в офис, лишь бы не с этим человеком на пассажирском кресле.

Мы сели в машину.

Я завела двигатель.

И до того, как я успела что-то сказать, Артём сказал тихо, ровно, глядя вперёд:

— Я не знал, что вы три года назад начали этот проект.

— Удалённо. Из Берлина последние два года, до этого из Москвы. Соловьёв был моим первым крупным клиентом.

— Он вас любит.

— Он любит людей, которые делают свою работу.

— Нет, — Артём наконец повернул голову. — Он любит вас.

Я смотрела на дорогу.

Я очень внимательно смотрела на дорогу. Я смотрела на дорогу так, как будто от этого взгляда зависела жизнь нескольких пешеходов одновременно.

— У меня хорошие отношения с заказчиками.

— Это я заметил.

Молчание.

Я повернула на третье кольцо. Поток теперь шёл легче, мы плыли в общем темпе, и я могла позволить себе ослабить хватку на руле.

— Артём, — сказала я.

— Да?

— Можно я задам вам один вопрос?

— Можно.

— Вы со всеми сотрудниками так? Или это только мне такая честь?

Я думала, он не ответит.

Я думала, он скажет «не понимаю, о чём вы».

Он сказал другое.

— Только вам.

Я моргнула.

Очень. Сильно. Моргнула.

— Почему?

— Я не знаю.

Я повернула голову.

Я не должна была. Я должна была смотреть на дорогу. Но я повернула.

Он смотрел прямо на меня. Не в потолок. Не вперёд. На меня.

И в этот момент позади меня раздался гудок, потому что я начала замедляться, не отдавая себе отчёта.

Я резко повернулась обратно к дороге.

Прибавила газу.

В машине было очень тихо.

До самого офиса.

Мы оба молчали.

Музыку в какой-то момент сделала тише, и так и не вернула громкость обратно. Она играла фоном, едва слышно, как пульс.

* * *

Я припарковалась у крыльца.

Не идеально, как в первый день. Просто припарковалась. У меня в этот раз не было желания показывать класс.

У меня в этот раз было желание выйти из машины и сделать пять глубоких вдохов на холодном воздухе.

Артём отстегнул ремень.

Артём не сразу открыл дверь.

Артём сидел секунду, две, три.

А потом сказал, не глядя на меня:

— Полина.

Не Александровна. Не «Полина Александровна». Просто — Полина. В первый раз.

— Да?

— Спасибо.

— За что?

— За поездку.

И вышел.

Не дав мне ответить. Не оставив паузы для возражения. Просто открыл дверь, вышел, закрыл её, прошёл к крыльцу. Не обернулся.

Я смотрела ему в спину.

Спина у него была широкая, прямая, в чёрном пальто, исчезающая в стеклянных дверях офиса.

Я подождала, пока он зайдёт внутрь.

Потом я положила лоб на руль.

И сказала очень тихо, очень спокойно, обращаясь к самой себе, к моему рулю, к моей S5, к моей доселе очень спокойной и упорядоченной жизни:

— Полина. Ты в большой беде.

Машина молчала.

Машина всё понимала. У моей машины было больше эмоционального интеллекта, чем у меня в эту минуту.

Это, я думаю, многое говорит о ситуации.

Глава 4

«Здравствуйте, я Лука. Извините, что красивый»

Первое сообщение от Евы пришло в семь утра.

Семь утра — это, по Евиной шкале, либо «я только что легла», либо «я уже встала и иду тебя контролировать». Третьего варианта у Евы не было.

Я лежала в кровати, смотрела в потолок, и думала о трёх вещах одновременно. Первая — что вчера всё прошло хорошо. Вторая — что вчера всё прошло плохо. Третья — что обе мысли могут быть правдой одновременно, и это, видимо, и есть взрослая жизнь.

Телефон загудел. Я взяла.

Ева: Полина.

Ева: Полина, не спи.

Ева: ПОЛИНА.

Я: Что.

Ева: У вас в среду корпоратив.

Я: ...

Я: Откуда ты знаешь?

Ева: У меня клиент — пиар-агентство, которое ведёт это мероприятие.

Ева: Ты на нём будешь.

Ева: В чём пойдёшь?

Я: Ева, сейчас семь утра понедельника.

Ева: А в среду в семь вечера будет уже среда. Через ДВА ДНЯ. И ты, кажется, не понимаешь масштаб трагедии.

Я отложила телефон.

Я закрыла глаза.

Я попыталась немного помолиться. Не за душу, не за карьеру — за то, чтобы Ева сейчас отвлеклась на что-нибудь. На клиента, на инстаграм, на проходящего мимо мужчину. На что угодно.

Телефон загудел снова.

Ева: Я приеду завтра вечером.

Ева: С платьями.

Ева: Не сопротивляйся.

Я не сопротивлялась.

Я давно поняла: если Ева приняла решение, единственный способ выиграть — это притвориться, что ты сама приняла это решение раньше неё.

* * *

В офисе понедельник был... понедельник.

Серёжа в худи ронял слова через одно: «доброе утро» он, кажется, проигнорировал, а потом, минут через сорок, прислал мне в рабочий чат файл и сообщение «вот». Это было его «доброе утро» сегодня. Я ответила «спасибо», и он, кажется, нашёл это излишним.

Соня уже сидела на своём месте — она, я подозреваю, приходила раньше меня каждый день, и я подозреваю, что она и уходила позже. Я никак не могла её на этом поймать.

Дима появился в дверях ровно в десять.

— Полина, у меня для тебя три новости.

— Только не говори, что все плохие, у меня сегодня и так нелёгкое утро.

— Все три — нормальные. Первая: в среду корпоратив. Ты приглашена.

— Я в курсе.

— Откуда?

— У моей подруги клиент — пиар-агентство, которое его ведёт.

— Москва — большая деревня.

— Москва — гигантская деревня. Что вторая новость?

— На корпоративе будут партнёры. Холдинг закрывает раунд переговоров с инвесторами. Среди них — европейские.

Я кивнула. Понятно, повод приличный — представить новых владельцев холдинга важным людям, заключить пару сделок под бокал шампанского, обнять старых клиентов. Стандартный российский бизнес-формат: «давайте сделаем дорого, никто не запомнит ничего».

— Третья новость?

— Среди партнёров — твой бывший шеф из Берлина. Не тот, который про танцы. Другой. Бенедетти.

Я замерла.

Очень коротко. Полсекунды. Я уверена, что Дима ничего не заметил.

— Лука?

— Кажется, да. Знаешь его?

— Знаю. Мы с ним пересекались в одном из проектов. Хороший дядька.

— Ну вот. Будет тебе на ком отвлечься в среду от боссов.

Я улыбнулась.

Улыбка, я уверена, была абсолютно ровная.

Дима, я уверена, ничего не заметил.

Я мысленно пыталась вспомнить, в каком из платьев на корпоративе в Берлине меня в последний раз видел Лука, и насколько часто за два года он, возможно, об этом вспоминал.

«Полина, — сказала я себе очень спокойно. — Это рабочая встреча. Лука — деловой партнёр. Он давно тебя забыл. И ты его — тоже. Вы оба взрослые профессиональные люди. Никаких драм.»

Себе я не поверила.

У меня для самой себя нет таких льгот.

* * *

Ева приехала во вторник вечером.

С двенадцатью платьями.

Я не преувеличиваю. У меня в коридоре в течение пятнадцати минут стояли четыре пакета, чехол на колёсиках и одна шляпная коробка (на всякий случай, как объяснила Ева). Моя прихожая стала похожа на оптовый склад модного дома, через который только что прошёл табун.

— Ева. Я в одном из этих платьев пойду на корпоратив холдинга. На корпоратив. Не на красную дорожку. Не на оперу. Не на свидание. На корпоратив.

— Я слышу тебя, Полина.

— Тогда почему здесь шляпа?

— На всякий случай.

— На какой случай в Москве в среду в ноябре нужна шляпа?

— Полина.

— Что.

— Не задавай вопросы, на которые ты не хочешь услышать ответы. Это моё пожизненное правило, и оно работает.

Я закрыла рот.

Ева достала первое платье.

Это было нечто красное, длинное, с разрезом до бедра. Я посмотрела на него. Я посмотрела на Еву. Я посмотрела на платье снова.

— Ева.

— Что.

— Это для меня.

— Да.

— На корпоратив.

— Да.

— На котором будут мои боссы.

— Да.

— Ева.

— Полина, я тебе клянусь, если ты ещё раз произнесёшь моё имя таким тоном, я надену это платье сама и пойду с тобой как +1.

Я выбрала другое.

Платье номер три. Чёрное. Длинное в пол. С высоким воротом, почти под горло. Без вырезов. Без разрезов. Облегающее, но без вызова. Скорее тонкое, элегантное, как бокал хорошего бордо в правильной руке.

— Это? — спросила Ева, глядя на меня с подозрением.

— Это.

— Полина. Это платье для церковной службы.

— Это платье для умной женщины, которая идёт на корпоратив, на котором у неё три босса. И, возможно, четвёртый — её бывший шеф.

Ева замерла.

Замерла в той же позе, в которой она замирала, когда я ей рассказывала про серые глаза. В позе кошки, почуявшей добычу.

— Какой бывший шеф?

— Лука. Бенедетти. Из Берлина.

— Полина.

— Что?

— Это тот самый Лука? Который высокий, в чёрной рубашке, с улыбкой как у итальянского мафиозо после трёх бокалов кьянти?

— Ева, ты его никогда не видела.

— Я видела его фотографии. Ты мне их три года показывала. В подробностях. В разные моменты твоего эмоционального состояния. Я знаю Луку лучше, чем некоторых своих родственников.

— Ева!

— Полина, ты идёшь на корпоратив, где будет: один — серые глаза. Второй — Лука. Третий — Кирилл. Четвёртый — Игорь. И ты собираешься НАДЕТЬ ПЛАТЬЕ ДЛЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ?

— Игорь не считается.

— Полина, ты с ума сошла. Все считаются.

Мы спорили двадцать минут.

В итоге компромисс был такой: чёрное платье в пол, но не то, что я выбрала. Чуть короче (длина до щиколотки), чуть открытее (вырез — буквой V, но не вульгарный, скорее «я знаю,

что у меня есть ключицы, и я их не прячу»), и с поясом, который Ева очень настойчиво называла «акцент».

— Это компромисс, — сказала Ева, очень довольная собой. — Я хотела разрез до бедра. Ты хотела платье монашки. Это — посередине. Это — баланс.

— Это твоё представление о балансе?

— Полина. Это моё представление о минимуме. Если бы я хотела баланс — ты была бы в купальнике.

Я надела платье.

Ева посмотрела на меня в зеркало. Долго. Профессионально.

— Полина.

— Что.

— Один совет.

— Один я приму.

— Не наклоняйся.

— Ева!

— Я серьёзно. Не наклоняйся. В этом платье. Особенно в присутствии серых глаз. Понимаешь?

— Я не наклоняюсь на корпоративах в принципе.

— Полина.

— Что?

— Ты неуклюжая. Ты обязательно наклонишься. Просто помни, что я тебе сказала.

Это было справедливое замечание.

И от этого ещё более раздражающее.

* * *

В среду вечером я приехала в ресторан, в котором проходил корпоратив, за десять минут до начала.

Ресторан был большой, дорогой, с панорамными окнами на Москву-реку. С толпой официантов в чёрном, с шампанским, льющим ровно так, чтобы каждый успел сделать вид, что он пьёт мало. Музыка — фоновая, ненавязчивая. Свет — тёплый, рассеянный. Лица гостей — отполированные.

Я зашла. Я сняла пальто. Я улыбнулась распорядительнице. Я взяла бокал шампанского — потому что бокал шампанского в руке у меня выполняет ту же функцию, какую у других людей выполняет третья рука. Он занимает меня. Без бокала я начинаю что-то делать руками, и обычно это не приводит ни к чему хорошему.

Я огляделась.

Артём стоял в дальнем углу зала.

В чёрном костюме. Без галстука. Рубашка — белая, ворот расстёгнут на одну пуговицу. Я уточняю — на одну, не на две. Это была деталь, которую я заметила, и которая меня очень не радовала.

Он разговаривал с двумя мужчинами в возрасте — серьёзные лица, дорогие часы, тот самый разговор «о деле, между делом». Артём слушал. Кивал коротко. Иногда отвечал. Его профиль на фоне Москвы в окнах был...

Так, нет.

Стоп.

Я отвернулась.

Я выпила глоток шампанского, не глядя ни на кого. Я смотрела на стол с канapé. Канapé — мирные. Канapé — безопасные. Канapé никогда не смотрят на тебя серыми глазами с расстояния пятнадцати метров.

Кирилл подошёл ко мне через минуту.

— О, наша блистательная Светлова! — он чокнулся со мной бокалом, не спросив разрешения. — Ты в чёрном. Ты прекрасна. Это, кстати, не комплимент, это констатация. Я не делаю комплиментов на корпоративах, у меня уволят меня же из меня.

— Кирилл, я тоже рада тебя видеть.

— Я слышал, тут будут европейские партнёры.

— Да.

— Я этого жду. Я люблю европейцев. Они всегда чуть менее серьёзные, чем мы. Особенно итальянцы — у них есть это волшебное качество относиться к деньгам так, как мы относимся к чувствам. То есть с большой страстью, но без особого плана.

Я улыбнулась.

И в этот момент за спиной у Кирилла раздался голос.

Низкий. С акцентом. С тем характерным итальянским «р», которое перекачивается во рту, как косточка от оливки.

— Полина.

Я повернулась.

* * *

Лука Бенедетти был Лука Бенедетти.

Он не изменился. Ему было тридцать три, ему было тридцать три и в Берлине, и в Москве, и, я думаю, ему всегда будет тридцать три, потому что некоторые мужчины достигают своего архетипа и больше не сдвигаются. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем у среднестатистического делового человека. Оливковая кожа. Чёрный костюм, идеально сшитый — а как иначе, он же итальянец. Открытая улыбка. Глаза карие, тёплые, прямой взгляд, без игры.

То есть с игрой, конечно. Но без агрессии.

— Лука.

— Здравствуй, Полина. Я узнал, что ты будешь сегодня, и я не мог поверить.

— Это было два года назад. Я тебя предупреждала, что я когда-нибудь вернусь.

— Да, но я не верил. Я никогда не верю людям, которые говорят «я вернусь». Это всегда ложь — или они не возвращаются, или возвращаются совсем другими.

— Какая я тебе в этот раз?

Лука посмотрел на меня.

Долго.

Не неприлично, приятно. Это, я уверена, специальная итальянская способность: смотреть так, что женщине одновременно лестно и нестрашно. Я не знаю, как они это делают. Возможно, их этому учат в школе.

— Ты стала ещё более ты, — сказал Лука. — Я не знаю, как это объяснить по-русски. Это не комплимент. Это — наблюдение.

— Извини, я не очень красиво краснею. Ты меня сразу с ходу ставишь в неудобное положение.

— Я только начал. Подожди.

Кирилл рядом — я почти забыла, что Кирилл стоит рядом, — издал звук. Звук был средним между «хм» и «о». Я повернула голову. Кирилл смотрел на нас с выражением человека, который только что попал в очень интересный сериал, и не знает, в какой именно момент он туда попал.

— Лука, — сказала я, поспешно, — позволь представить. Это Кирилл Беляев. Один из совладельцев нашего холдинга.

— Очень приятно.

Они пожали руки.

Кирилл, я уверена, в эту минуту делал то же, что Соловьёв делал в пятницу — оценивал. Только в отличие от Соловьёва, у Кирилла оценка была не «свой или чужой». У Кирилла оценка была — «проблема или нет».

— Прекрасное мероприятие, — сказал Лука, поворачиваясь обратно ко мне. — Полина, мы можем потом поговорить отдельно? У меня есть для тебя одна идея.

— Деловая?

— И деловая. И не очень. Зависит от того, как пойдёт.

Я улыбнулась.

Я выпила ещё глоток шампанского.

Я очень внимательно не смотрела в сторону дальнего угла зала.

* * *

Следующий час был странный.

Лука не отходил от меня дольше, чем на десять минут, и каждый раз возвращался с новой темой. Он рассказывал про свой фонд, спрашивал про мои планы, шутил с акцентом так, что было видно, что он шутит специально с акцентом, потому что знает: это работает. Иногда он клал руку мне на спину, на секунду, чтобы провести меня к столу с канapé или показать в сторону окна. Это было совершенно невинно по любым меркам, и совершенно неприлично по меркам корпоратива с моими боссами в одном зале.

Я понимала это.

Лука, я почти уверена, понимал это тоже. И именно поэтому он это делал.

Я не уверена, делал ли он это специально, чтобы спровоцировать Артёма (которого Лука и не знал), или просто потому, что он итальянец, и для итальянца положить руку женщине на спину — это эквивалент русского «всё хорошо?».

В любом случае я чувствовала.

Я чувствовала, что Артём смотрит.

Я не оборачивалась. Я ни разу не повернула голову в его сторону. Но я чувствовала его взгляд так же ясно, как чувствуешь, что кто-то стоит у тебя за спиной — без всяких видимых причин, просто кожей.

В какой-то момент Лука отошёл за двумя новыми бокалами.

Я осталась одна у окна.

Я смотрела на Москву-реку. Я думала: я хорошая девочка. Я ничего не делаю плохого. Я разговариваю с деловым партнёром, бывшим коллегой, культурным человеком. Я имею на это полное профессиональное право.

Эта мысль прожила полминуты.

Потому что в зеркальном отражении окна — на фоне Москвы и реки — я увидела, что Артём идёт ко мне.

Через весь зал.

Не быстро. Не торопливо. Просто идёт. Тем шагом, которым человек идёт по своей собственной территории, без всякой нужды кого-либо обходить.

Я повернулась.

Артём подошёл, остановился рядом — на расстоянии вежливого корпоратива, не ближе и не дальше. Поставил свой бокал на подоконник.

— Хорошее платье.

Я моргнула.

— Извините?

— Платье. Хорошее. Чёрное вам идёт.

Это был комплимент.

Это был первый комплимент, который я когда-либо от него слышала. И он был холодный, ровный, без выражения. Произнесённый таким тоном, каким человек говорит «хорошая погода», когда на улице моросит дождь, и он совершенно недоволен этой погодой.

— Спасибо.

— Я вижу, у вас тут разговор с Бенедетти.

— Деловой.

— Я и не сомневался.

Он смотрел не на меня. Он смотрел в окно, на Москву-реку, как будто внимательно её изучает на предмет архитектурных недостатков.

— Вы давно его знаете?

— Лука был партнёром моего проекта в Берлине.

— А, — сказал Артём. — Хорошо.

«Хорошо» это, как я уже знала, не было хорошо.

— Артём.

— Да?

— Вы что-то хотели спросить?

Он повернул голову.

Серые глаза посмотрели на меня впервые за весь этот разговор — прямо.

— Нет. Я просто подошёл сказать вам комплимент. По-видимому, это не было обязательно.

И ушёл.

Просто развернулся и ушёл туда, откуда пришёл, в свой дальний угол, к своим серьёзным мужчинам в дорогих часах.

Я стояла у окна.

Я смотрела ему в спину.

Я в эту секунду совершенно не знала, что произошло.

Но что-то точно произошло.

* * *

Я пошла в туалет.

Это, в скобках замечу, мой универсальный план в любой непонятной ситуации. Если что-то происходит, чего я не понимаю — я иду в туалет. Там тихо, там зеркало, там я могу пять минут смотреть себе в глаза и говорить себе всё, что мне нужно услышать.

Туалет был мраморный. Конечно. Корпоратив в хорошем ресторане, мрамор обязателен. Я зашла, поправила волосы, подкрасила губы (Ева бы гордилась), посмотрела на себя долго.

Я не знала, что мне сказать.

Я вышла.

По коридору обратно в зал мимо служебной двери, мимо кабинки фотобудки (Ева была права, шляпа сегодня могла бы пригодиться), мимо двух мужчин у самого входа в зал, которые курили электронные сигареты и тихо разговаривали.

Это были Кирилл и Игорь.

Они меня не заметили, я обходила их со стороны зала, в тени стены. Я не подслушивала специально. Я просто проходила мимо.

Я услышала ровно две фразы.

— Брат, он попал.

— Угу.

Я остановилась.

На полсекунды. Может, на одну. Не дольше.

Потом я пошла дальше.

Я не оборачивалась. Я не смотрела на них.

Я вернулась в зал, я нашла Луку, я улыбнулась ему, я говорила с ним ещё двадцать минут, я даже один раз засмеялась — настоящим смехом, не натянутым. Лука был чудесный человек. Я ему благодарна. Он мне очень помог в Берлине, и сейчас он мне очень помогал — самым фактом того, что он рядом, что он живой, что у него тёплые карие глаза, и от него не пахнет серым.

Но мысленно... Мысленно я повторяла две фразы.

«Брат, он попал.»

«Угу.»

И я очень-очень не знала, как мне это переварить.

* * *

Домой я вернулась в полпервого.

Я не сняла платье, я села на кровать прямо в нём, я сняла серёжки и одно кольцо, я положила телефон на одеяло, я посмотрела на потолок.

Телефон загудел.

Ева: Ну?

Ева: Я знаю, что ты дома. Я отслеживаю тебя по геолокации.

Ева: Не спи. Рассказывай.

Я: Ева.

Я: Это была плохая идея.

Ева: ИДЕЯ?

Ева: КАКАЯ ИДЕЯ?

Ева: ПОЛИНА ТЫ ЧТО СДЕЛАЛА

Я: Ничего.

Я: Ева, я ничего не сделала.

Я: Просто была.

Я: Стояла.

Я: Разговаривала с Лукой.

Ева: И?

Я: Артём подошёл.

Я: Сказал, что платье хорошее.

Я: И ушёл.

Ева: ...

Ева: Полина.

Ева: Полина, это не плохая идея. Это катастрофа.

Я: Я знаю.

Ева: Полина, ты понимаешь, что мужчина, который ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ говорит женщине «хорошее платье» в момент, когда она стоит у окна с другим мужчиной, — это мужчина, который пришёл сказать «отойди от него»? Только по-русски. Через метафору. У него такая профессия.

Я: Ева.

Я: Это слишком.

Ева: Полина, я не выдумываю. У меня высшее образование. Я пишу диссертацию по этим людям с восемнадцати лет.

Я: У тебя нет диссертации.

Ева: По жизни. Жизненная диссертация. Полевые исследования.

Я смотрела в телефон. Я улыбалась — против своей воли, против своего лучшего суждения, против всех клятв, которые я давала самой себе утром, днём и за час до этого.

Я набрала:

Я: Ева.

Я: Я слышала, как Кирилл сказал Игорю.

Я: «Брат, он попал.»

Я нажала «отправить».

Я ждала.

Телефон молчал.

Я отложила его на одеяло. Я смотрела на потолок. Я считала про себя секунды.

Десять. Двадцать. Тридцать.

Телефон загудел.

Ева: Полина.

Ева: Полина, ты что молчала.

Ева: ПОЛИНА ЭТО ОФИЦИАЛЬНО.

Ева: ОФИЦИАЛЬНО ОН ПОПАЛ.

Ева: Я завтра еду к тебе. Никаких отговорок. Мы разбираем эту ситуацию по часам, по минутам, по секундам. Я хочу знать, что было на нём, что было на тебе, и куда смотрел Кирилл, когда это говорил.

Я отложила телефон.

Я легла на кровать — в платье, в макияже, в серёжках.

Я смотрела в потолок.

«Брат, он попал.»

«Хорошее платье. Чёрное вам идёт.»

Я закрыла глаза.

И на этой неделе, кажется, я перестала контролировать ситуацию.

Это была моя... какая по счёту ошибка?

Я уже потеряла счёт.

Глава 5

«Грязные кеды. Старый пёс. Один взгляд»

Я ездила в приют каждую вторую субботу. Иногда каждую.

Этот ритуал у меня сложился ещё семь лет назад, когда я устроилась на свою первую серьёзную работу и решила, что часть зарплаты буду отдавать тем, кто меньше виноват в своей жизни, чем я. Тогда это были детский дом и один приют для собак. Постепенно остался только приют, потому что в детский дом я ездить перестала после одного случая, про который я вам сейчас рассказывать не буду, иначе моя глава превратится в плач, а у нас ещё не та глава, чтобы плакать.

Приют назывался «Хвост и лапа», что было, мягко говоря, не очень изобретательно, но честно. Находился он в часе езды от Москвы, в направлении Дмитрова, в полузаброшенной деревне на участке, который Тамаре Васильевне когда-то достался от двоюродной тётки. Тамара Васильевна была там и директор, и волонтер, и единственный работник, и мать всем своим хвостатым подопечным.

В то субботнее утро я выехала в восемь. Радио выключила (приюты не любят громкой музыки, и я как-то по этому привыкла не включать репчик в день поездки). Заехала в Ашан — купила корм, печенье для собак, ещё печенье для Тамары Васильевны (она любила шоколадное, с орехом). На заднем сиденье моей S5 лежали восемь мешков сухого корма, две пачки крупы, четыре баклажки воды и я.

То есть я не на заднем сиденье. Я за рулём. Я уточняю.

К приюту я подъехала в десять.

Сразу собаки. Шум, лай, прыжки на сетке, виляние всеми хвостами одновременно. Их было сорок две (точное число, я проверяла) — кто на улице в вольерах, кто в доме.

Среди них меня встречал Архип.

Архип — это был мой пёс. Не в смысле, что он жил у меня, а в смысле, что у меня в приюте был один пёс, которого я считала своим. Он был старый. Лет двенадцать. Дворняга крупная, с седой мордой и одной отсутствующей задней лапой (давняя история, не моя). Архип ходил на трёх крепко, спокойно, без жалоб. И каждый раз, когда я приезжала, он шёл ко мне первым. Не потому что я была его хозяйкой. А потому что я была его подругой.

Я ему была подругой шесть лет.

Он мне — шесть лет.

В жизни не каждая человеческая дружба длится столько.

— Архип, — сказала я, садясь на корточки. — Привет, друг. Я приехала.

Архип сунул морду мне в шею.

Это был его привет. Универсальный.

* * *

К полудню я уже была в работе.

Я была в кедах (на этот раз обычных, не моих хороших итальянских, а старых, которые я держала специально для приюта, и которые когда-то были белыми, а теперь были цвета «зимняя грязь, проникшая глубоко в волокно»). В джинсах, которые тоже мне было не жалко. В толстовке, которую я когда-то купила, потому что мне нравилось слово «худи» — я думала, оно про моду. Оказалось, это просто старая толстовка. Сверху резиновый фартук Тамары Васильевны.

В руках — шампунь для собак.

В корыте — Архип.

Архип не любил мыться. Но Архип любил меня. И поэтому каждый второй визит я мыла Архипа, и Архип терпел. Это была наша негласная сделка: он не убегал из корыта, я обещала, что после душа дам ему печенье.

Я только что нанесла шампунь на его спину, и Архип посмотрел на меня тем взглядом — «Полина, я тебе доверяю, но если ты сейчас намылишь мне морду, я уйду в монастырь» — когда позади меня заскрипели ворота.

Я не обернулась. Тамара Васильевна обычно приезжала на машине друга, скрип ворот — это был привычный звук.

Я услышала шаги.

Дорогие шаги — я знала это. У дорогих шагов есть звук. У них есть подошва. У них есть уверенность.

Я обернулась.

Через двор приюта, между двух луж и одной собачьей миски, шёл Артём Северов.

В чёрном пальто. В чёрных туфлях. С брюками, на которых не было ни одного пятна. Идеально выбритый. Идеально причёсанный. Идеально неуместный.

Я смотрела на него с шампунем на руках.

Архип смотрел на него из корыта с шампунем на спине.

Тамара Васильевна, появившаяся из дома, смотрела на него с непечёным пирожком в руке.

Артём посмотрел на меня и сказал:

— Полина.

Очень спокойно. Очень ровно. Так, как будто он сейчас не стоял по щиколотку в собачьей луже, а зашёл ко мне в кабинет.

— Артём, — ответила я. — Извините, вы... вы что тут делаете?

— Холдинг возит сюда гуманитарную помощь раз в квартал. Я обычно не езжу. В этот раз приехал.

— Зачем?

Он посмотрел на Архипа в корыте.

Он посмотрел на меня.

Он посмотрел в сторону вольеров, где сорок одна собака, на пять минут забывшая про шампунь Архипа, теперь дружно лаяла на нового гостя в чёрном пальто.

— Не знаю, — сказал Артём.

* * *

Тамара Васильевна вышла из ступора первой.

У Тамары Васильевны было то особое русское женское качество: способность принимать любую неожиданность, как будто она её сама заранее запланировала, и быстро встраивать её в свой обычный распорядок.

— Здравствуйте, молодой человек, — сказала Тамара Васильевна, утирая руки о передник. — Тамара Васильевна. Я тут хозяйка. Сейчас мальчики из вашего фургона корм заносят. А вы заходите, чаю попью.

— Спасибо, Тамара Васильевна. Я... позже.

— Как скажете. Полиночка, ты мне Архипа в обиду не дай, он у нас сегодня нервный.

— Не дам.

Тамара Васильевна посмотрела на Артёма ещё раз. Посмотрела на меня. Посмотрела на пальто. Я уверена, что в эту секунду она оценила всё — стоимость пальто, наличие у Артёма обручального кольца (его не было), мою степень растерянности и температуру атмосферного давления.

Тамара Васильевна была мудрая женщина.

Она кивнула сама себе и ушла в дом, бросив через плечо:

— Молодой человек, если будете помогать — там у стены резиновые сапоги и фартук. На вашу комплекцию должны подойти.

И всё.

Она ушла.

Артём остался.

Я смотрела на Артёма. Артём смотрел на резиновые сапоги у стены.

А потом — я в эту секунду чуть не уронила шампунь, потому что я не ожидала, — Артём начал снимать пальто.

* * *

Он снял пальто. Аккуратно повесил на крюк. Под пальто оказался свитер. Тонкий, кашемировый, серый, тоже идеальный, но всё-таки свитер, а не пиджак.

Он закатал рукава. До локтя.

У Артёма были — я не должна была это замечать, я знаю, я знаю, я знаю — у Артёма были предплечья. Не накачанные, не модельные, просто мужские. С венами. С характером.

Я отвернулась к Архипу.

Я очень внимательно намыливала Архипа.

Артём подошёл.

Подошёл, сел на корточки рядом со мной — рядом, очень близко, потому что корыто было маленькое — и протянул руку Архипу.

Не сразу к Архипу. Сначала открытой ладонью вниз, чтобы пёс понюхал. Это, я уточняю, делают только люди, которые умеют обращаться с собаками.

Архип понюхал.

Архип посмотрел на меня — мол, «Полина, кто это такой, объясни» — и, не получив объяснений, по своей собственной собачьей логике решил, что человек, который меня знает и пахнет в принципе чисто, — приемлемый.

Архип ткнулся мордой Артёму в ладонь.

Артём впервые за пять минут улыбнулся.

Не широко. Не натянуто. Чуть-чуть. Только уголком губ. Так, как улыбаются люди, которые забыли, что они умеют улыбаться, и эта улыбка получилась случайно.

Я очень сосредоточенно намыливала Архипа.

— Помочь? — спросил Артём.

— Если хотите.

— Хочу.

Это «хочу» он сказал тем же тоном, каким около недели назад сказал «мне нравится». Тем самым тоном, в котором не было вежливости, был только ровный факт.

Я протянула ему ковш.

— Тогда поливайте. Я мылю — вы смываете. Сверху вниз. Стараться не попадать в глаза.

— Понял.

И мы стали мыть Архипа.

* * *

Это, наверное, самая странная и одновременно самая обычная сцена, которую я когда-либо переживала.

Мы с Артёмом Северовым — Артёмом Северовым в кашемировом свитере, Артёмом Северовым с серыми глазами, Артёмом Северовым, который на днях говорил со мной таким тоном, что хотелось одновременно дать ему в ответ и расплакаться, — мы с этим Артёмом Северовым мыли трёхлапую дворнягу в подмосковной деревне.

Я мылила. Он поливал. Архип терпел.

Артём оказался внимательным. Он лил воду ровно, не торопясь, проверял рукой её температуру перед тем, как направить ковш. Когда Архипу попала пена в нос, и Архип чихнул, Артём — впервые в жизни, наверное, — засмеялся.

Засмеялся коротко. Один раз. Сразу замолчал.

Но я слышала.

И мне в этот момент в груди что-то — я не подберу другого слова — провернулось.

Я очень тихо сказала:

— Артём.

— Да?

— Я думала, вы не умеете.

— Что?

— Смеяться.

Он не ответил сразу.

Он долил воду на спину Архипа. Аккуратно. Без брызг.

— Я тоже так думал.

Я не подняла глаз.

Я не могла.

* * *

Мы вытерли Архипа большим махровым полотенцем — это полотенце Тамара Васильевна выдала Артёму с особым выражением лица, в котором было «я тебе доверяю своё имущество, но я хочу, чтобы ты это знал».

Артём принял полотенце с тем же выражением лица, с каким, я уверена, он принимал ключи от первой компании. Серьёзно. Без шуток. Понимая значение.

Архип после душа стал — Архип после душа всегда становился счастливый. Это была его особенность. Большинство собак после душа угрюмые, а Архип наоборот, он понимал, что теперь его пустят в комнату и дадут печенье, и от этой перспективы у него поднималось настроение.

Архип потёрся о ногу Артёма. Намочил Артёму брюки.

Артём посмотрел на брюки.

Я ждала.

Артём ничего не сказал. Просто погладил Архипа по голове и сказал тихо:

— Не за что.

Как будто Архип ему за что-то заранее извинился. Как будто Артём заранее ему всё простил.

Я тоже простила.

Все обиды последней недели я простила в эту секунду, и мне это совершенно не понравилось — потому что прощать так быстро у меня не было опыта.

* * *

Мы провели в приюте ещё четыре часа.

Я не знаю, как это получилось. Я не планировала.

Артём, видимо, тоже не планировал, потому что в какой-то момент он вышел из дома, где Тамара Васильевна напоила его чаем с пирожком и, я уверена, провела допрос с пристрастием на тему «кто вы, молодой человек, и что у вас на уме», и сказал мне:

— Полина.

— Да?

— Тамара Васильевна сказала, что у вас тут вольер шестой проседает. Я хочу посмотреть.

— Артём.

— Да?

— Вы умеете чинить вольеры?

— Полина, я начинал на стройке.

Я моргнула.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Двадцать лет назад. После института. У меня не было денег, я пошёл на стройку. Я там работал летом четыре сезона. Не электриком, конечно — подсобником, потом мастером смены. Но забор могу починить.

Я уставилась на него.

Я уставилась на него с шампунем на руках, в грязных кедах, в мокром фартуке, с волосами, собранными в хвост, который явно нуждался в реабилитации.

— Артём.

— Да?

— Я каждый день узнаю про вас что-то такое, что не помещается в мою картину мира.

— Это нормально, — сказал Артём. — Я тоже про вас.

И ушёл к вольеру.

С Тамарой Васильевной.

Я осталась во дворе. С Архипом. С шампунем. С полным отсутствием понимания того, что только что произошло.

* * *

В четыре часа я зашла в дом, чтобы позвонить Еве. Я не могла больше держать это в себе.

Я набрала Еву.

Ева взяла на втором гудке.

— Полина.

— Ева.

— Я по голосу слышу, что у тебя катастрофа. Какого масштаба?

— Местного.

— Конкретно?

— Артём здесь.

Пауза.

Долгая.

— Где «здесь»?

— В приюте.

— ...

— Ева, ты ещё там?

— Полина, я там, но у меня перестало работать сознание. Ты говоришь, Артём Северов сейчас в приюте «Хвост и лапа» под Дмитриевом?

— Я говорю.

— И что он там делает?

— Он чинит вольер.

— Полина.

— Да.

— Полина, мне нужно сесть. Я звоню тебе через минуту.

Она перезвонила через тридцать секунд.

— Я села. Продолжай.

— Ева, я не знаю, что говорить. Он приехал. Он снял пальто. Он закатал рукава. Он помог мне помыть Архипа. Он не сделал ни одной ехидной реплики. Он улыбнулся один раз. Сейчас он с Тамарой Васильевной чинит шестой вольер. У него двадцать лет назад была стройка. Ева. Стройка.

— Полина.

— Что?

— Слушай меня внимательно.

— Слушаю.

— Полина, такие мужчины — те, которые в сером кашемировом свитере чинят забор в подмосковном приюте, потому что туда приехала женщина, на которую они смотрят как на новую функциональность вселенной, — такие мужчины существуют только в романах.

— Ева.

— Полина.

— Я понимаю.

— Хорошо.

— И мне это очень не нравится.

— А вот это я понимаю.

Мы помолчали.

— Ева.

— Да?

— Что мне делать?

— Полина, ты у меня спрашиваешь?

— У тебя.

— Ну хорошо. Слушай. План такой. Первое: ты сейчас идёшь к Тамаре Васильевне, ты говоришь «Тамара Васильевна, спасибо за всё, я устала», ты садишься в машину и едешь домой. Второе: ты не разговариваешь с ним больше сегодня. Если он попробует — отвечаешь односложно. Третье: дома ты ешь, моешься, ложишься, и я приезжаю с вином и мы обсуждаем эту ситуацию. И — четвертое — Полина, очень важное.

— Что?

— Полина, ты в него уже влюбилась.

Я молчала.

Я смотрела в окно дома Тамары Васильевны. За окном — старая яблоня. На яблоне — никаких яблок (ноябрь). У яблони — Артём. Закатанные рукава. Молоток. Тамара Васильевна показывает на забор. Артём кивает. Серьёзно. Внимательно.

Я ничего не ответила Еве.

Ева тоже какое-то время не говорила.

Потом она сказала очень тихо:

— Полина, я тебя люблю. Поезжай домой.

* * *

Я уехала через час.

Не сразу. Я ещё пила с Тамарой Васильевной чай. Я ещё обняла Архипа на прощание. Я ещё посмотрела на починенный вольер шесть (Артём действительно починил, без шуток — крепко, ровно, как будто всю жизнь только это и делал).

Когда я подошла к машине, Артём был у своей.

Его чёрный матовый Audi RS7 стоял в десяти метрах от моей S5 — он, видимо, тоже уезжал. На брюках было пятно (Архип). На свитере — другое пятно (видимо, чай Тамары Васильевны). На лице — то же спокойное серое выражение, что и утром.

— Полина.

— Да?

— Спасибо.

— За что?

— За Архипа.

Я моргнула.

— Артём, это вы Архипа мыли вместе со мной. За что мне-то «спасибо»?

— За то, что показали мне Архипа. И вообще.

«И вообще».

Я смотрела на Артёма.

На моего невыносимого, холодного, неприступного, расчётливого начальника, который только что три часа чинил забор в подмосковной деревне, и который сейчас стоял у своей машины с пятном от чая на дорогом свитере и говорил мне «и вообще».

Я открыла рот.

Я закрыла рот.

— Артём.

— Да?

— Не делайте так больше.

— Как?

— Не приезжайте сюда без предупреждения.

Он смотрел на меня.

Долго.

А потом сказал — очень тихо, без угрозы, без вызова, просто — констатацией:

— Хорошо. В следующий раз я предупрежу.

«В следующий раз».

Я села в машину.

Я завела.

Я смотрела, как он садится в свой RS7. Как закрывается дверь. Как загораются его фары. Как он выезжает первым, потому что мужчина выезжает первым, и я подозревала, что для него это было что-то такое же базовое, как дышать.

Я выехала за ним.

До трассы мы ехали друг за другом — его чёрный RS7 впереди, моя тёмно-синяя S5 за ним. На съезде на трассу он повернул налево, в сторону Москвы. Я тоже — в сторону Москвы. Через десять минут он включил поворотник и съехал на заправку.

Я **не** съехала.

Я **ехала** дальше.

Я **не** оборачивалась.

Но я очень хорошо **чувствовала**, что он смотрит мне вслед.

* * *

Я ехала.

Я ехала по Дмитровскому шоссе обратно в Москву, и я думала только об одной вещи.

Я думала, что у меня в жизни были разные мужчины. Они были смешные, умные, нудные, талантливые, слабые, сильные. Они были разные. Но ни один из них — ни один — не приезжал ко мне в приют без объяснений, не закатывал рукава, не понимал собаку по запаху ладони, не чинил вольер и не говорил мне «и вообще».

Это не «и вообще».

Это что-то другое.

Я не знала, как это назвать.

Я знала только одно: я в эту минуту понимаю, что то, что я говорила Еве полтора часа назад — про то, что мне «не нравится», — это была неправда.

Мне нравилось.

Мне очень нравилось.

И это, кажется, была — какая по счёту? — моя шестая ошибка.

Может быть, седьмая. Я перестала считать ещё в среду.

Глава 6

«Папа, это просто коллега. Колл-е-га»

Неделя прошла.

Это самая ёмкая фраза, которую я могу подобрать. Она прошла. Я не помню, чтобы что-то конкретное в ней произошло, и одновременно я не помню, чтобы во мне что-то в эту неделю не происходило. Это были две параллельные реальности, и они никак между собой не пересекались.

На работе Артём вёл себя так, будто никакого приюта никогда не было. Заходил ко мне в кабинет раз в день. Спрашивал что-то конкретное. Получал ответ. Уходил. Между нами было ровно столько холодного офисного воздуха, сколько и было до субботы — и ни одной молекулы меньше.

Я делала то же самое.

Я очень профессиональный человек.

Я очень-очень профессиональный человек.

Я повторяла себе эту фразу триста сорок раз за пять рабочих дней, и я почти в неё поверила.

В пятницу вечером мне позвонила мама.

— Полинushка. Воскресенье. Тёмная нога.

Я хочу пояснить, для тех, кто не знаком с моей мамой. Моя мама — Татьяна Михайловна Светлова — звонит всегда по делу и говорит ровно столько слов, сколько необходимо, чтобы донести информацию. «Тёмная нога» — это телятина в нашем доме. Так её называет папа, и за тридцать лет совместной жизни мама подхватила эту терминологию, и сейчас иногда забывает, что для внешнего мира это звучит немного по-разбойничьи.

— Мам, привет. Я приеду.

— И Антон тоже.

— Хорошо.

— И, Полинushка.

— Да?

— Папа сказал, что мы с тобой давно не разговаривали по-настоящему.

— Мама, мы вчера разговаривали.

— Папа сказал — по-настоящему.

Это было плохо.

«Папа сказал — по-настоящему» — это формула, которую я знаю с детства. Эта формула означает, что папа что-то заподозрил. Папа что-то заподозрил, папа очень редко ошибается, и теперь мама должна выяснить, что именно.

Я очень бодро сказала в трубку:

— Мам, у меня всё хорошо.

— Я знаю, Полинushка.

— Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно. Приедешь к двум?

— Приеду.

— Целую.

Она положила трубку.

Я стояла посреди кухни с телефоном в руке и думала только об одном: моя мама — гениальный человек. Она ничего не спросила. Ничего не вытянула. Не надавила. Она просто обозначила пространство, в которое мне в воскресенье придётся вступить.

И поразительно ничего с этим не сделать.

* * *

В воскресенье в час дня я выехала.

Дом моих родителей за городом, в направлении Истры. Час по нормальной дороге, полтора — по дачной. Я приезжаю к ним раз в две недели, иногда чаще. Это, наверное, прозвучит для кого-то слишком часто, но у меня очень хорошая семья, и приезд к родителям для меня — не обязанность, а отпуск.

По дороге у меня была переписка с Евой.

Я: Еду к родителям.

Я: Папа что-то почувствовал.

Я: Мама звонила «по-настоящему поговорить».

Ева: Полина.

Ева: ПОЛИНА.

Ева: Не выдай ничего.

Я: А что я могу выдать?

Я: Я ничего не делаю. Я просто хожу на работу.

Ева: Полина.

Ева: У тебя на лице сейчас написано «я хожу на работу и мне очень-очень хорошо».

Ева: Я уверена, что твой папа это считает за полторы секунды.

Я: Я в очках.

Ева: Полина. ПАПА. ВИДИТ. СКВОЗЬ. ОЧКИ.

Я сбавила скорость на повороте. Я очень-очень не хотела думать о том, что Ева, возможно, права.

Я: Что мне делать?

Ева: Расскажи о работе. О команде. О Соне (нейтрально). О Соловьёве (тепло). О Кирилле (с лёгкой иронией). И ни. Слова. Об Артёме.

Ева: Если про него спросят прямо — скажи «новый владелец, профессионал, я с ним почти не пересекаюсь».

Ева: И сменишь тему. Срочно. Спросишь у мамы, что она готовит. Любой человек переключается, когда у него спрашивают про еду.

Я: Понятно.

Ева: И пришли мне фото мамы. Я её обожаю.

Я улыбнулась и положила телефон.

Я ехала, я думала, я пыталась соорудить лицо «у меня всё нормально и я просто хожу на работу». В зеркале это лицо мне не очень нравилось. Оно было какое-то слишком собранное.

Папа, скорее всего, увидит.

* * *

Дом моих родителей большой деревянный, с печкой и с двумя верандами, из которых одна — летняя, а другая — «зимняя», что в нашем семейном словаре означает «летняя, но

утеплённая». Папа любит дерево. Папа считает, что любой материал, кроме дерева — это компромисс, и компромиссов в архитектуре он не приемлет.

Я припарковалась у крыльца. Не идеально, без класса, просто припарковалась — потому что для папы парковаться красиво в собственном дворе так же неуместно, как для священника материться в собственной церкви.

Дверь открылась раньше, чем я подошла.

В дверях стоял Барсик.

Я хочу вам его представить — познакомьтесь, Барсик. Восемь килограммов рыжей шерсти, важности и претензий. Возраст — двенадцать лет. Должность — главный пушистый бухгалтер семьи Светловых. Барсик не любил никого, кроме папы и меня. И ещё селёдки. И сметаны. Иногда курятины. Список был коротким, но строгим.

Барсик посмотрел на меня. Барсик прищурился. Барсик решил, что я заслуживаю одного «мрр» в качестве приветствия.

— Привет, Барсик.

Барсик отвернулся и ушёл в дом.

Это, по его меркам, было выражением огромной любви. Барсик никогда не уходил после приветствия с обиженным хвостом, как другие коты. Он уходил с гордо поднятым.

Из глубины дома раздалось:

— Полинушка приехала!

Папа.

* * *

Александр Александрович Светлов вышел в прихожую в тренировочных штанах, в свитере цвета «мама связала, потому что любит», с пультом от телевизора в одной руке и кружкой чая в другой. При виде меня он бросил пульт и кружку (мама, я слышала, вздохнула на кухне) и обнял меня так, как может обнять только человек, для которого ты — самое любимое существо во вселенной.

— Полинушка моя приехала! Так, дай посмотрю. Худая? Худая. Я знал. Татьяна! Полина опять не ест!

— Папа, я ем.

— Татьяна! Полина говорит, что ест!

— Саша, не ори, я же на кухне, я слышу!

Из кухни вышла мама — в фартуке поверх простого синего платья, с волосами, собранными в высокий пучок (мама всегда так укладывает волосы, когда готовит, и это, я вам клянусь, одна из самых стабильных вещей в моей жизни). Татьяна Михайловна обняла меня молча, крепко, дольше, чем нужно, а потом отодвинула на расстояние вытянутой руки и посмотрела.

Просто посмотрела.

Молча.

Полминуты.

— Полинушка.

— Что?

— Ничего.

«Ничего» у моей мамы — это не «ничего». «Ничего» — это «я всё уже поняла, и я никогда тебе об этом не скажу, но мы обе знаем».

Я постаралась улыбнуться очень бодро.

— Мам, чем пахнет?

— Тёмная нога. Картошка. Грибы из леса от Вали. Селёdochка под шубой. Пирог — два, с капустой и с яблоками.

— Я тебя обожаю.

— Я тебя тоже, Полинушка.

Из гостиной раздался голос Антона:

— Слышу, любимая сестра приехала. И слышу, что любимой сестре тут же поднесли список меню. А когда я приехал, мне сказали «помой руки и неси овощи». Татьяна, я опять чувствую себя приёмным.

Я зашла в гостиную.

Антон лежал на диване в той позе, в которой могут лежать только старшие братья, то есть с одной ногой на полу, второй на спинке дивана, с пультом в одной руке и телефоном в другой. По телевизору шёл футбол. Антон в футболе ничего не понимал, но всегда его смотрел, потому что папа смотрел, и это была единственная сфера, в которой они с папой не спорили.

— Полинка!

— Антошка!

— Иди сюда, мелкая, обниму.

— Я не мелкая.

— Ты на четыре сантиметра ниже меня. И на три года младше. Ты мелкая по двум осям.

— Антон.

— Что?

— Я тебя ненавижу.

— Я тебя тоже. Иди обниму.

Я подошла. Антон сел на диване. Я плюхнулась рядом. Антон обнял меня одной рукой, не отрываясь от телефона, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.